

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Черные банкиры

Фридрих Евсеевич Незнанский
Черные банкиры
Серия «Марш Турецкого»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137331

Черные банкиры: АСТ, Олимп; М.; 2006

ISBN 5-17-008426-9, 5-7390-0022-4

Аннотация

Волна «заказных» преступлений захлестнула Москву. Некто планомерно устраняет банкиров, президентов фирм — тех, кто связан с огромными деньгами в Чечне. Всесильные политики склонны видеть за происходящим «чеченский след», однако «важняк» Турецкий имеет на этот счет собственное мнение.

Содержание

1	4
2	11
3	18
4	25
5	33
6	37
7	41
8	45
9	52
10	57
11	64
12	68
13	77
14	81
15	89
16	95
17	101
18	111
19	118
20	131
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Фридрих Незнанский

Черные банкиры

1

Ноябрьский вечер был холодным и сырым. Окна жилого дома тепло светились в пустоте темного двора. Двое мужчин в черных масках и камуфляже сидели в салоне иномарки и ждали сигнала.

— Внимание! Объект направляется к дому. Приступайте! — прозвучала команда в трубке сотового телефона.

Мужчины вышли из машины, направились к тускло освещенному подъезду, поднялись на второй этаж, открыли дверь отмычкой и проникли в квартиру.

В прихожей было темно и тихо. Они отворили дверь в комнату. Через тюлевую занавеску сюда пробивался свет уличного фонаря, слышалось мерное тиканье будильника. Глаза различили мебель: большой книжный шкаф, два кресла, журнальный столик, в углу, возле окна, — телевизор.

Мужчины вернулись в прихожую.

— Хорошо стоим, — сказал один из них юношески-задорным голосом.

— Не до шуток, соберись, — проворчал другой зрелым баритоном.

Наконец на лестнице послышались шаги. Один из мужчин посмотрел в глазок и настороженно прошептал:

— Идет. Готовься!

— Понял.

Они замерли, прижавшись к стене. Щелкнул замок, открылась дверь. Сначала в проем просунулась рука с авоськой, в которой были пакеты с молоком, потом в прихожую шагнул хозяин. Вторая его рука по привычке потянулась к выключателю, и в это время на него навалились, сбили с ног. Дверь захлопнулась.

В одно мгновение хозяина скрутили, втащили в комнату. Он отчаянно сопротивлялся и выкрикивал:

— Что вам нужно? Подонки! Покажитесь! Включите свет!

Тяжело дыша от напряжения, незнакомцы бросили хозяина в кресло, заломив его руки за спину, и в упор выстрелили ему в висок.

Руки убитого положили на колени, предварительно сунув в правую пистолет Макарова — его собственное табельное оружие. Затем в прихожей включили свет, подняли авоську с пакетами молока и отнесли на кухню. Ничего не тронув в квартире, они вышли, закрыв за собой дверь.

Пока жена готовила ужин, Нинка забралась к отцу на колени и рассматривала с ним картинки в книжке, водила пальчиком по странице, складывая слоги в слова:

— Ру-са-ло-чка...

— Хорошо, молодец! Какая ты у меня грамотная! — похвалил девочку отец.

— Папа, правда, она очень красивая? — спросила Нинка.

— Ты лучше.

— Посмотри, какое у нее платье!

— Я куплю тебе такое же.

— Когда?

— В выходной пойдем на рынок и выберем чудесное платье, ты будешь в нем, как принцесса.

В комнату заглянула жена, улыбнулась, сказала:

— Турецкий, марш к телефону, начальство на проводе.

— Слушаюсь, мой генерал, — ответил он и пошел в прихожую.

Взяв трубку, услышал глуховатый голос Меркулова:

— Саша, ты поужинал?

— Еще нет.

— Прости, но вынужден оторвать тебя от семьи. Убили следователя Геннадия Арбузова. С оперативной группой туда выехал Грязнов, я попросил его. Возьми это дело на себя. Арбузов был мозговым центром следственной бригады...

— Чем он занимался?

— Лопнувшим банком «Ресурс».

— Куда ехать?

Меркулов назвал адрес и пообещал прислать служебную машину. Турецкий постоял в раздумье, заглянул на кухню.

— Опять вызывают? — догадалась жена.

— Увы, надо ехать.

— Надеюсь, хоть раз поужинаем вместе, — в ее голосе была обида.

— Не надо, Ира, — попросил Александр.

— У меня все готово, перехвати на дорожку.

Жена положила на тарелку картофель, исторгавший ароматный пар, и две котлеты. Александр принялся есть, но вскоре отодвинул еду. Настроение испортилось. А в голове теперь была только одна мысль — об убитом следователе.

Турецкий любил редкую семейную радость осенних вечеров, когда рядом щебетала дочь, хлопотала по дому жена. Если таковые случались. Но стоило ему настроиться на эту самую «тихую радость», как тут же раздавался телефонный звонок и надо было срочно мчаться к черту на кулички, где обнаружен очередной труп. И хоть считается, не дело «важняка» из Генпрокуратуры выезжать на каждый труп, но куда денешься, когда убитые персоны занимали до своей смерти ведущие посты в государстве.

Ирина волновалась, когда муж уходил вечерами, и лишь молча молилась, чтобы Бог хранил его и посылал удачу.

— Почему ты ничего не съел? — обиделась жена.

— Аппетита что-то нет. Поем, когда вернусь. Сейчас не могу.

— А чайку успеешь?

Но за окном послышался сигнал клаксона, приехала ма-

шина из прокуратуры.

— Ириша, я побежал, — сказал Турецкий, выходя в прихожую и на ходу напяливая длинный черный плащ.

В квартире погибшего следователя Геннадия Арбузова было многолюдно. Но разговаривали тихо. Изредка всхлипывала жена убитого, ее горе вырывалось наружу рыданиями еще и потому, что рядом были сотрудники мужа во главе со следователем Московской городской прокуратуры Олегом Величко, живые и здоровые, с сочувствием посматривавшие на согнутую бедой женщину. Старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре Российской Федерации Турецкий обменялся рукопожатием с начальником МУРа Грязновым, с Олегом, спросил:

— Что-нибудь накопили?

— Все обставлено как самоубийство. Арбузов сидел в кресле с табельным оружием. Убит выстрелом в висок, — полушепотом ответил Грязнов.

— А что говорят близкие и сотрудники?

— Вон, Олег и его парни утверждают, что Арбузов был весьма уравновешенным и жизнерадостным человеком. И, несмотря на относительную молодость, следователем уже достаточно опытным и въедливым.

— В какой морг его увезли?

— На Большую Пироговскую, к Градусу.

— Что жена говорит?

— Сам расспроси, мне трудно разговаривать с ней, — от-

махнулся Грязнов.

Турецкий подошел к жене Арбузова, посмотрел в ее заплаканное лицо, почему-то вспомнил свою Ирину и тихо спросил:

— Скажите, пожалуйста, как вел ваш муж себя сегодня?

— Как всегда. Он никогда не говорил со мной о работе.

Все шутил...

— Вы не знаете, ему никто не угрожал?

— Генка никогда и ни на что не жаловался. Все его устраивало. Уходит на работу — шутит, возвращается домой — улыбается. Не могу представить, что его уже нет, — женщина зарыдала, закрыв лицо руками.

— Вы его первой обнаружили? — выждав момент, спросил Турецкий.

В ответ она согласно кивнула.

— Ничего необычного не заметили? Как это было?

— После работы забрала из садика сына, вошла в квартиру и увидела... Сын не понял, бросился к нему... Генка сидел в кресле с пистолетом в руке. Я вызвала милицию и «скорую помощь»... Но он был уже мертв...

— Спасибо, простите, что вынужден задавать вопросы. Мы постараемся найти убийц, — сказал Турецкий, прошел на кухню, увидел мальчика лет четырех, сидевшего на табурете и с испугом и удивлением смотревшего на окружающих.

Грязнов подждал Турецкого в прихожей, лицо у него было кислое.

— Соседи ничего не заметили? — спросил Турецкий.

— Нет.

— Ни выстрела, ни шума?

— Представь себе — никто и ничего.

— Меркулов говорит, что он вел дело о банке «Ресурс».

Теперь, похоже, его взвалил на меня.

— Этот заколдованный банк тянет за собой жертву за жертвой. Крепкий орешек!

— Ну что ж, будем ждать заключения судебно-медицинской экспертизы, а потом и сами возьмемся за дело.

— Меня наглость преступников выводит из себя! Я готов из кожи вылезти, чтоб достать этих тварей!

— Ты имеешь в виду свое кожаное пальто? — мрачно пошутил Турецкий.

— Ах, пальто! — вдруг вспомнил Грязнов, снял с вешалки свою тяжелую, заляпанную понизу грязью хламиду, бросил на плечи. — Ты куда сейчас?

— Поеду домой. Я — на служебной. Могу и тебя подбросить, если хочешь. Олег тут и без нас справится.

Они вышли из квартиры, тихо прикрыв за собой дверь, и стали спускаться по лестнице, которая хранила тайну жизни и смерти старшего следователя по особо важным делам Московской городской прокуратуры Геннадия Арбузова.

2

С утра Турецкому доставили многотомное дело обанкротившегося банка «Ресурс». Оказалось, что Арбузов успел достаточно узнать, возможно, поэтому его и убрали.

Картина вырисовывалась довольно интересная. Банк «Ресурс» в период расцвета в 1995–1996 годах по количеству частных вкладов уступал разве что Сбербанку. В этот же период он широкомасштабно, во всех авторитетнейших средствах массовой информации извещал публику о своем участии в крупнейших государственных акциях, включая такие, как пуск нефтепровода через Чечню, и подтверждая тем самым доверие к себе и правительства, и вкладчиков. Однако заявления и заверения, видимо, так ими и остались, потому что после громкого, подобно атомному взрыву, краха «Ресурса», в который долго никто не хотел верить, его долг вкладчикам составил около полутора триллионов рублей. Арбузов и пытался найти эти деньги, чтобы вернуть людям. Но сделать это было чрезвычайно трудно, так как при попустительстве государства и после банкротства банк еще полтора года продолжал функционировать и раздавать кредиты подставным, а впоследствии также лопнувшим структурам. Этот последний период деятельности был полон криминальных тайн. Начать с того, что президент банка Вадим Акчурин был либо отравлен, либо сам не рассчитал с дозами

наркотики. После него банк возглавила Алла Бережкова. Общение с ней и сделало Арбузова основным хранителем тайн лопнувшего банка. Вместе с ликвидационной комиссией ему удалось отыскать часть «законспирированной» недвижимости «Ресурса». В конце августа был проведен аукцион по продаже квартир в элитных домах, принадлежавших банку, которые располагались на Пречистенке и Большой Серпуховской улице. Вырученные миллиарды рублей должны были вернуться вкладчикам «Ресурса».

Именно Геннадий Арбузов вынес постановление о наложении ареста на недвижимость «Ресурса», и именно он отправил в следственный изолятор Аллу Бережкову, которая в последнее время стала ему наконец кое-что рассказывать...

В дверь постучали. Вошел Грязнов.

— Ну что, смотрю, уже взвалил воз? Изучаешь?

— Куда денешься! А ты, часом, Градусу не догадался позвонить?

— Никаких следов алкоголя и наркотики. Человек был в полном и здравом рассудке. Нет, это не самоубийство. Да и потом, я неплохо знал Арбузова, — заключил Грязнов.

— Значит, нам теперь остается выяснить самую малость: почему погибли старший следователь Арбузов и президент банка Акчурин? Как обнаружить скрытую недвижимость банка «Ресурс» в России и за рубежом, чтобы вернуть деньги вкладчикам? Куда девались кредиты, розданные банком в последние месяцы его существования?

Грязнов вздохнул:

— Тут тебе и за месяц не управиться. Эвон сколько томов.

— А что у нас, Слава, легко делается?

— Отчего же, случаются ведь и пустячные дела.

— Случаются... Но они ни тебе, ни мне не интересны! Да

и кто их нам даст?

— Саня, я работы не боюсь, но когда гибнут хорошие парни, меня одолевает тоска. Погляди, может, у тебя чего в сейфе найдется? Что-то тошно мне...

— Это пагубное увлечение, Славка. По утрам пьют только забулдыги, — строго сказал Турецкий, но поднялся из-за стола.

В сейфе нашлись полбутылки коньяку и две рюмки из сувенирного набора. Рюмки были наполнены, и Грязнов произнес:

— Помянем Генку Арбузова, хорошего парня, земля ему пухом...

Они выпили, закусили твердой, словно фанера, шоколадкой.

— Что поделаешь, Слава, у каждого своя судьба. Один пройдет огонь, воду и медные трубы — жив и невредим. А другой натывается на первую же слепую пулю и отдает Богу душу. Вот что обидно. Знаешь, о чем я подумал, изучая это дело? Образ разбойника с фиксой и ножом за голенищем, так же как и «общак» в виде большого мешка денег, окончательно отошли в прошлое. Преступники сегодня — это,

как правило, уважаемые бизнесмены, имеющие банковские счета по всему миру и регулярно впрыскивающие «грязные» финансы в легальный оборот. Именно с ними нам и придется сразиться на этот раз.

За окном раздался стук капель о металлический подоконник. Был обычный тоскливый осенний день с затяжным, проливающимся из низкого неба дождем.

— Погода, конечно, шепчет, — ободренно сказал Грязнов. — Но ты вполне можешь рассчитывать на мою посильную помощь. Будет туго — ребяташками помогу. Сам подключусь. Понял меня?

— Низко кланяюсь и благодарю, господин полковник! — шуточно ответил Турецкий.

Зазвонил телефон. Меркулов уже интересовался планами расследования убийства Арбузова.

— Свидетелей никаких. Соседи ничего не видели и не слышали. Поэтому придется нам продолжать дело Арбузова, выявлять из материалов, кому он наступал на ноги. Вот так, со временем, возможно, что-то и выяснится, — сдержанно сказал Турецкий.

— Саша, ты намекаешь, что это дело может стать очередным «висяком»?

— Арбузов мертв, а его убийцы живы, значит, будем их искать.

— Ну а конкретно, что собираешься предпринять? С чего начать?

— Хочу побеседовать с госпожой Бережковой. Разыскать руководителей подставных фирм. Понимаю, что сведения липовые, но ведь были же за ними и реальные люди.

— Хорошо. У меня для тебя есть приятная новость. Ликвидационная комиссия обнаружила новую недвижимость банка «Ресурс» в Митино и на Ломоносовском проспекте, это достаточно богатые офисные помещения, оформленные на подставных лиц.

— Спасибо, Костя.

— Но это не все. На Серпуховской и Пречистенке в квартирах «Ресурса» проживают весьма влиятельные персоны. Зайди при случае и забери список. Думаю, он тебе скоро понадобится.

— Обязательно забегу. Вот только с Грязновым обсудим план расследования и следственно-оперативных мероприятий по этому делу.

— Дерзайте, юноши! — хохотнул в трубку Меркулов.

Турецкий отодвинул телефон на угол стола, машинально перелистнул несколько страниц дела и уставился в напечатанный на машинке список. Быстро пробежал его глазами и удовлетворенно произнес:

— На-ка вот, на ловца и зверь бежит!

— Что такое? — Грязнов тоже склонился над листком.

— Список фирм, сотрудничавших с «Ресурсом». Слушай, Слава, вот тебе отдельное требование, передай в РУОП и попроси там своих коллег проследить по этому списочку, не

было ли каких-нибудь криминальных дел, связанных с этими фирмами? Только все желательно по-быстрому!

— В чем вопрос? Давай сюда.

— Но тут есть одна тонкость. Большинство этих фирм просуществовали считанные дни. Возникли, провернули денежную аферу и пропали. Поэтому хорошо бы иметь сведения о руководителях, главных бухгалтерах и, к примеру, об охране, разрешениях на оружие...

— Понял. Саня, а насчет твоих липовых документов неплохо бы, между прочим, к Моисееву наведаться. Он — ты же знаешь — фальшивки вычисляет без промаха...

— Попробуем. Но сначала мне необходимо найти тех, кто сотрудничал с банком. И еще хотелось бы как можно больше узнать об Алле Бережковой. О ее друзьях и подругах, а не только о сотрудниках банка.

Грязнов улыбнулся и, махнув рукой на прощание, вышел. Турецкий же снова углубился в чтение.

Сколько дел пришлось ему раскрутить за полтора десятка лет следовательской работы! И ни одно из них не повторялось, каждое имело свои особенности. Новое время принесло новые преступления: теперь в криминальный узел завязывались десятки предприятий, становившихся вольными или невольными соучастниками, ворочались огромные массы денег, переплетались и сращивались госпредприятия с преступными группировками. Огромный преступный океан вздыбился и захлестывал Россию, как палубу утлого кораб-

ля, готового потонуть в хаосе экономического кризиса.

Перебирая банковские документы, Турецкий нашел старое авизо с печатью какой-то грозненской фирмы. Он удивленно поднял брови и отложил документ в сторону. На документе значился 1994 год — в это время в Грозном полным ходом шли боевые действия.

«Странно, — подумал Турецкий. — Какие там могли быть фирмы, какие деньги? Абсурд! Придется теперь и судебно-бухгалтерскую экспертизу проводить. Вот же тоска зеленая! Господи, сколько же придется еще мусора перелопатить?»

Он зевнул, прикрывая ладонью рот, и опять уставился в бумаги, особо обращая внимание на подписи под документами и записывая фамилии материально ответственных лиц.

3

В середине дня позвонил Грязнов.

— А мы для тебя кое-что выловили в нашем управлении по борьбе с экономическими преступлениями и в РУОПе, — радостно сообщил он. — Записывай.

— Внимательно слушаю, — приготовился Саша.

Грязнов продиктовал список лиц, имевших контакты с банком «Ресурс».

Турецкий пробежал глазами записанные фамилии, некоторые ему были знакомы. Среди них значились бывший пресс-секретарь президента, несколько депутатов Государственной Думы, крупные бизнесмены.

— Так, и что дальше? — спросил Турецкий.

— Эти лица сейчас активно занимаются предпринимательской деятельностью, часто организуют собственные фирмы.

— Ну, и кто же здесь рекордсмен?

— Депутат Госдумы Дмитрий Долгалева, за ним за три года числится восемь открытых фирм. Он занимается самыми разными делами: нефтью, трубами, спиртом, производством кирпича, словом — всем, что плохо лежит.

Турецкий взглянул в свой собственный список и вскоре среди фамилий, выписанных им из банковских документов, с удовлетворением обнаружил одним из первых Долгалева.

— Молодец! — похвалил он Грязнова. — Что еще можешь сказать об этом депутате?

— Сейчас возглавляет фирму «Спектр». Возраст — тридцать два года, образование среднее. Служил в пограничных войсках. Избран депутатом Госдумы по Коломенскому округу. Член думской фракции ЛДПР. Уроженец Краснодарского края...

— Какая-то мистика, Слава. Именно этого человека я выделил для себя из множества фамилий. Может, с него и начнем?

— У него депутатский иммунитет, — возразил Грязнов.

— Ты прав. Тогда вот что сделаем. Мы выпишем повестку главному бухгалтеру его фирмы. У меня найдется, о чем с ним побеседовать.

— Для этого ты сначала узнай, как зовут главного бухгалтера и что он собой представляет.

— Конечно, узнаю. Есть же телефоны. Слушай, а как тебе удалось так быстро раскопать эти сведения?

— У каждого свои каналы, — лаконично ответил Грязнов.

И Турецкий понял, что большего пока он из Славки не выжмет.

— Ладно, полковник! Трудись дальше — и Родина тебя не забудет. А я благодарю.

Турецкий взял отложенное ранее авизо, посмотрел на цифру в четыре миллиарда рублей, которые переводились со счета грозненской фирмы «Саид» в Грозсоцбанке на счет

московской фирмы «Ада». Это же название значилось напротив фамилии «Долгалев».

Александр поднял трубку, набрал номер телефона бывшего своего сослуживца, прокурора-криминалиста, а ныне одинокого пенсионера Семена Моисеева. После нескольких длинных гудков наконец послышался знакомый хрипловатый голос.

— Семен Семеныч, здравствуй! Турецкий беспокоит.

— Рад слышать тебя, Сашок! Совсем ты забыл старика. Не заходишь.

— Закрутился... Не жизнь, а сущее колесо! Не успеет понедельник начаться, глядишь, а уже пятница пожаловала.

— Понимаю, но тем не менее...

— Я как раз, Семен Семеныч, хочу в гости к тебе напроситься, посоветоваться надо.

— Приезжай, буду рад.

— А прямо сейчас можно?

— Конечно.

— Тогда лечу.

Моисеев, встретив Турецкого с распростертыми объятиями, улыбался, поблескивая желтым металлом зубов, радушно приглашал пройти в горницу, по-холостяцки прокуренную комнату, по-своему обжитую. На журнальном столике, на книжном шкафу лежали железки, ключи, замки, инструменты, которые в любой момент могли понадобиться хозяину.

Турецкий разделся и прошел в комнату, поставил на стол бутылку водки, прихваченную по пути.

— Зачем же, Саша, надо было тратиться? У меня и своя нашлась бы.

— Ладно, Семен Семеныч, все тут наше, давай не будем делиться имуществом, а потихоньку раздавим то, что стоит на столе, да поговорим о деле.

— Присаживайся, я сейчас соберу чего-нибудь закусить.

Через минуту Моисеев водрузил на стол баночку маринованных грибов, порезанную колбасу и сыр, хлеб и огурцы.

— Не хлопочи, Семеныч, хватит.

Турецкий налил водку в рюмки, спросил:

— Грибочки сам собирал?

— А то как же! Я человек свободный. Странная вещь — жизнь. Вытекает по минуточке, не заметишь, как иссякнет, спохватишься, а уже поздно. Вот и думаешь, на то ли потратил этот чудесный божий дар?

— Это уже философия.

— Нет, Саша, это тайна великая. Почему одному сто лет отмеряно, а другой и до пенсии не дотягивает? Живет ли не так, ест-пьет не то? Издать бы книгу о правилах долгой жизни!

— Ну, Семен Семеныч, за твою долгую жизнь!

— И за тебя!

Выпили, поморщились, с аппетитом начали закусывать, но Моисееву не терпелось, хотелось побольше узнать о делах

в прокуратуре.

— Как там у вас, Саша?

— Кипит, как смола в аду.

— Говорят, какой-то следователь покончил с собой?

— Быстро же по Москве слухи распространяются! — удивился Турецкий.

— Журналисты не дремлют.

— Это из молодых, Арбузов. Он из городской. Все обставлено как самоубийство, а что было на самом деле, предстоит разбираться мне.

— Я его не знал. Может, опыта пареньку не хватало?

— Толковый был следователь, но, видно, забыл об осторожности.

— Чем он занимался в последнее время?

— Искал имущество лопнувшего банка «Ресурс». Как раз у меня и вопрос по деятельности этого банка.

Турецкий подал Моисееву банковский документ и стал наблюдать за реакцией старого криминалиста, имевшего лисий нюх на всякие фальшивки.

Семен Семеныч внимательно изучил текст, повертел бумажку, похихикал, сказал:

— Ай да ухари! Ничего не скажешь. Липа, а сработала! Ведь кто-то получил эти денежки и уже давно ими воспользовался.

— Не томи, объясни!

— Схема проста, как и все гениальное. По подложным из-

вещениям вот такого типа и в девяносто пятом, да и позже, что говорить, вытягивались государственные деньги из Центробанка, переводились в другой банк на счет подставной фирмы. Потом деньги делились, обналичивались или перечислялись в зарубежные банки.

— Как же мог Центробанк пропустить эту фальшивку? — недоуменно спросил Турецкий.

— Перестройка коснулась и банков, и им было разрешено пересылать авизо не только спецпочтой, но и просто вручать с курьером. Представь себе, что ты раздобыл такую бумажку в каком-то разбитом грозненском банке, заполнил на нужную тебе сумму и отнес в московский банк. А через несколько дней твоя фирма-однодневка уже получает эту сумму.

— Неужели так примитивно просто?

— Дело в том, что Центробанк из благих побуждений настоял на том, чтобы функции проверки авизо были монополено закреплены за ним. Понятно, что доверять коммерческим банкам в таком прибыльном деле не стоило. Но в итоге недоверчивость Центробанка обернулась полной индульгенцией коммерческим банкам, с которых снималась всякая ответственность за подлинность документов, представляемых ими к оплате в Центробанк. А раздобыть пустые бланки авизо, конечно, проще всего было, к примеру, в той же Чечне, уже неподконтрольной федеральным органам власти. Но не исключено, что такие документы могли приходиться и из других городов. Я вообще считаю, что с конвертацией и

переводом денег за рубеж по липовым контрактам в России нет проблем и сейчас.

— Озадачил ты меня, Семен Семеныч, сказать по правде!

— Привыкай, Александр Борисович. То, что ты показал мне, это уже давно вчерашний день. Нынче авизо не в моде. Сейчас основной поток хищений можно наблюдать в сфере вексельного обращения. А уж как введутся электронные расчеты между банками, тут при нашей неразберихе у любого крыша поедет. И тебе, дорогой, работы хватит до самой пенсии. Гарантирую.

— Утешил. Я, Семеныч, не против работы, но ты сам знаешь мое отношение к бумажкам.

— За ними живые люди стоят.

— Думаешь, можно что-нибудь из этого вернуть?

— Попробуй. Ну, за твою удачу! — Моисеев наполнил рюмки. — А у меня сегодня праздник.

— Какой? — поинтересовался Турецкий.

— Встреча с тобой. Знаешь, я все один. Звонят редко. Нет, я не обижаюсь. Понимаю, как редко у вас бывают выходные. Однако в последнее время стал тяготиться одиночеством. Вот, кажется, однажды помру и буду лежать здесь один, пока в мумию не превращусь.

— Господи, страсти-то какие! Живи, будь здоров!

В прокуратуру Турецкий вернулся в конце рабочего дня. Едва успел зайти в кабинет, как зазвонил телефон. Подняв трубку, услышал голос начальника Управления по расследованию особо важных дел Генпрокуратуры Казанского, пригласившего его к себе.

Не хотелось Александру лишний раз встречаться с этим прилизанным и слащавым типом, но куда денешься — начальник. Уже давно в их отношениях чувствовался холодок, похоже было, что Казанский боится, как бы Александр не потеснил его. Однако он ошибался: Турецкому по натуре больше подходила следственная работа, чем чиновничье кресло.

Александр повесил плащ в шкаф, причесался перед небольшим квадратным зеркальцем, укрепленным на обратной стороне дверцы шкафа, и остался доволен своей внешностью. Обычное лицо — ничто лишнее не выпирает и не торчит, едва ли не эталон правильности. Иронически хмыкнув и подмигнув себе, отправился к начальнику.

Кабинет Казанского выглядел внушительно: тяжелые бордовые шторы, массивная мебель — все говорило о важности персоны, занимающей его. Сам начальник в отношениях с Турецким был подчеркнуто вежлив и мягок.

— Я вас хотел попросить, Александр Борисович, об одном одолжении. Знаете ли, все мы, как говорится, под Богом

ходим, у нас с вами впереди еще немощная старость и все прочие неприятности.

— Простите, не понимаю, о чем вы? — признался Турецкий.

— Вы, Александр Борисович, нетерпеливы по-молодому, — улыбнулся Казанский. — Сейчас объясню. Вам поручено дело, связанное с банком «Ресурс». Как известно, на недвижимость этого банка наложен арест. А дело тут очень деликатное, так как в некоторых квартирах, проданных банком, уже проживают уважаемые и весьма известные в стране люди, внесшие большой вклад, так сказать, в созидание нашего Отечества. Мне звонил генерал-полковник милиции в отставке Иосиф Степанович Васильев и убедительно просил оставить его квартиру в покое. Он это жилье купил за собственные сбережения, сами понимаете, что это честнейший человек, сколько ему осталось? Он доживает...

— Странно вы со мной говорите! — возмутился Турецкий. — А не из-за таких ли честнейших людей, как генерал Васильев, лопнувший банк полтора года работал, раздавая кредиты направо и налево подставным фирмам? И в результате триллионы рублей вкладчиков пропали бесследно! Между прочим, следователь Арбузов...

— Александр Борисович, — перебил Казанский, — дело этого Арбузова, возможно, пойдет на прекращение. Это же все-таки самоубийство. Кто знает, что происходило в душе молодого следователя, решившего свести счеты с жизнью?

— И откуда же у вас такая уверенность? Нормальный, здоровый человек, отлично работал, имел семью. Слишком много обязанностей, чтобы вдруг уйти навсегда. А если это всего лишь имитация самоубийства? Мы только приступаем к следствию, еще не проведены экспертизы, еще не допрошены свидетели. Впереди уйма работы, а вы толкуете о, так сказать, возможном прекращении еще нерасследованного дела? Почему?

— Не надо горячиться, — мягко заметил Казанский. — Вы — опытный следователь, это ваша работа, я никогда ее не ставил под сомнение, ибо знаю, что вы обладаете большим профессионализмом и с любой задачей справитесь. Я просто хотел напомнить, что, помимо поиска истины, было бы совсем неплохо думать и о стариках-ветеранах, отдавших нашему общему делу практически всю свою жизнь.

— Я вас понял. Забота заботой, но дело, о котором мы сейчас с вами говорим, должно быть передано в суд. И уж это его прерогатива — выносить окончательное решение. А я постараюсь, чтобы судебное рассмотрение состоялось. А Комитет муниципального жилья Москвы выполнил свои прямые обязанности, — спокойно ответил Турецкий и вышел из кабинета.

В кабинете надрывался телефон.

— Господи, где тебя носит? — кричал Грязнов.

— А что случилось? Пожар? Горим?

— Откуда знаешь? — опешил Вячеслав.

— Я ничего еще не знаю.

— Выходи, я заеду.

— Одеться успею? — усмехнулся Турецкий.

— Давай, только быстрее, ладно? Жду внизу!

Турецкий вскочил в машину Грязнова и нетерпеливо спросил:

— Теперь ты мне можешь что-нибудь объяснить?

— Горит офис банка «Ресурс» в Армянском переулке.

— Давно?

— Минут сорок. Доложил ответдежурный.

— Заматают следы? — задумчиво спросил Турецкий.

— Ты так спокоен?

— А что мне еще остается делать? Я же не могу залить огонь. Там, пожалуй, уже все выгорело. Безрадостная перспектива — теперь придется искать поджигателей. Хотя пожарным ничего не стоит списать все на неисправность электропроводки.

Армянский переулок был запружен зеваками, случайными прохожими, привлеченными необычным зрелищем. Здесь же работали три пожарные команды.

Турецкий и Грязнов подошли к офицеру-пожарному, распорядившемуся здесь, представились, спросили о причине пожара.

— Трудно сказать, — ответил офицер. — Для нас главное сейчас — сбить огонь, а с причинами пожара будем разбираться потом. Могу только сказать, что возгорание возник-

ло внутри помещения. Здание было опечатано, доступа туда никому не было, но очаг возгорания довольно обширный, видите: пылает весь второй этаж и левое крыло первого.

— Ну, вот видишь, а что я тебе говорил? — развел руками Турецкий. — После того как по зданию погуляет огонь, а потом и пожарные, нам с тобой здесь делать нечего. Пусть этим займутся пожарные и ребята из следственного комитета МВД.

— Хорошо горит! — воскликнул Слава.

Пламя вырывалось из окон, лизало наружные стены, воздух вокруг здания ощутимо прогрелся. Пожарные пытались сбить огонь из нескольких шлангов.

— Пойду пообщаюсь с обывателями, может, узнаю что-нибудь интересное, — сказал Александр.

На город опускались ранние сумерки, и на фоне серого ноябрьского неба горящее здание выглядело нереально, словно пылающая киношная бутафория. Люди спокойно смотрели на огонь еще и потому, что знали: здание в последнее время пустовало, там никто не работал.

Турецкий подошел к толпе женщин, оглядел их и спросил старушку:

— Давно ли горит?

— Да уж не меньше часа, — ответила она, морща лоб и заглядывая незнакомцу в глаза.

— А с чего началось?

— Не знаю. Я в гастроном ходила, возвращаюсь, смотрю:

люди собрались. Вот подошла да и стою теперь вместе со всеми.

— Кто-нибудь видел что-нибудь еще? — спросил Турецкий у толпы.

Люди безучастно смотрели мимо него на огонь, только старушка, с которой разговаривал Александр, перекрестилась и сказала:

— Покарал Господь злодеев. Столько людей обобрали, а огонь все поглотил. Бренное наше богатство на земле, на тот свет ничего с собой не возьмешь.

Сквозь толпу к Турецкому пробрался Грязнов, бросил на ходу:

— Чего ты застрял? Нашел что-нибудь?

— Нет.

— Пойдем со мной. Там мальчишки кое-что видели.

Слава подвел друга к группе подростков, попросил их:

— Ребята, расскажите, пожалуйста, и этому дяде, что вы видели. Давай ты, старший.

Мальчик лет двенадцати, в куртке зеленого цвета и в вязаной шапочке, вытер покрасневший от холода нос и начал рассказывать:

— Мы в войну играли, прятались за оградой. Видели, как из двери черного входа вышли двое мужчин в темных масках, сели в иномарку, кажется, это был «мерседес», черный или темно-синий, и уехали. А потом что-то хлопнуло и стало гореть.

— Хлопнуло? — переспросил Турецкий.

— Ну, как что-то взорвалось, но не очень громко, — объяснил мальчик.

— А ты ничего не сочиняешь? — спросил Грязнов.

— Они тоже слышали, — указал мальчик на своих друзей. — Да, ребята?

— А я ничего не видел, — сказал плотный белобровый мальчик лет десяти.

— Так он в засаде в другом месте находился, — пояснил старший.

— Спасибо, мальчики, за информацию, — поблагодарил Грязнов, записав в блокнот фамилии, имена и адреса юных свидетелей.

— Передай список свидетелей своим операм. Тут явно умышленный поджог. Я вот завтра допрошу госпожу Бережкову. Возможно, кое-что прояснится и по поводу этого пожара.

— Чего-нибудь нового накопал в бумагах? — поинтересовался Грязнов.

— Кое-что. Казанский вот настойчиво предлагает не беспокоить генерала в отставке Васильева, который проживает в квартире, проданной ему «Ресурсом». Как тебе это нравится?

— Не понимаю, почему он работает у вас? Как вы его терпите? — возмутился Слава.

Турецкий рассмеялся и ответил:

— Таких обычно держат для равновесия. Казанский может заискивать, помогает начальству раны зализывать, льстит и тому подобное. Он — цивилизованный человек, не то что мы с тобой, дикари бескомпромиссные!

— Да ну тебя к дьяволу! Поедем, что ли?

— Поедем, может, хоть сегодня дома поужинаю. Айда ко мне! Ирка будет просто счастлива!

— Представляю, опять начнет сватать своих подруг?

— Ну так скажешь, чтобы отвязалась, мол, и без того хватает девиц.

— Сегодня не могу, в другой раз, — пообещал Грязнов. — До дома я тебя подброшу, а уж ты Ирише похвастайся, что это именно я тебя привез, она оценит.

Алла Бережкова оказалась симпатичной блондинкой тридцати восьми лет, стройной, с независимым взглядом и упрямым подбородком. Но и к ее молодежовому лицу уже подкрадывалась старость, прокладывая первые морщинки в уголках рта и под глазами. Тем не менее даже в следственном изоляторе она не утратила своей природной привлекательности, не забывая про косметику. Правда, из-за малоподвижного образа жизни стала появляться отечность под глазами, что придавало лицу болезненно-усталый вид.

Когда Бережкову привели в кабинет следственного корпуса для допроса, Турецкий невольно залюбовался ею, пригласил сесть, представился и сообщил, что теперь ему поручено вести дело о злоупотреблениях в банке «Ресурс».

Женщина подняла брови, искренне удивившись, и в голосе прозвучало волнение:

— А что случилось? Почему такая перемена?

— Вы боитесь перемен?

— С некоторых пор — да.

— С каких же?

— С тех самых, когда очутилась здесь.

— Вам, Алла Демьяновна, я посоветовал бы одно: чисто-сердечно рассказать обо всем содеянном, суд это учтет при определении меры наказания, оно явно в этом случае не бу-

дет тяжким.

— Но почему следователь Арбузов не пожелал дальше вести это дело? Он мне был симпатичен...

— Правда?

— Да.

— Тогда придется вас сильно огорчить. Следователь Арбузов больше не сможет расследовать дело банка «Ресурс», он погиб.

— Погиб? Вы сказали — погиб? — Женщина испуганно взглянула на следователя. — Нет! Не может быть!

— И тем не менее я сказал правду.

— Каким образом? Скажите, я должна знать!

— При довольно загадочных обстоятельствах. Ведется следствие.

Бережкова опустила голову, съежилась.

— Что с вами?

— Ничего.

— Алла Демьяновна, мне просто необходимо поговорить с вами. Разобраться в положении вещей...

— Нет! Теперь это не имеет смысла. Я отказываюсь отвечать на ваши вопросы, — жестко ответила она.

— Но вы же этим только вредите себе.

Бережкова вдруг взглянула на Турецкого в упор и сказала сурово:

— Вы сами прекрасно знаете, что у нас все покупается и продается! От вас и от меня уже ничего не зависит. И что бы

я вам ни говорила, что бы вы для себя ни открыли, ничего хорошего это никому не даст, а только принесет новое горе. Поэтому вам лучше ничего и не знать.

— Алла Демьяновна, вы чего-то боитесь, я же вижу. Но ведь зло не столь всесильно, как иной раз представляется! Поверьте мне!

— Вы не знаете тех акул, для которых ничего, кроме их денег, не существует.

— Давайте пока забудем о них. Вы сами должны бороться за свою жизнь!

— Я повторяю, что отказываюсь отвечать на ваши вопросы. Можете дальше что угодно расследовать, копать, искать, но меня оставьте в покое... Я даже не знаю, хочу ли жить? Я уже все имела и все потеряла. Меня вытолкнули из привычного круга жизни... мне теперь некуда возвращаться. Кем я буду в Москве?

— Ну, зачем так? У вас остались родные, друзья, знакомые. Не надо делать трагедию из-за того, что потеряно имущество. Человек рождается вовсе наг, но ведь живет! Вы — верующая?

— Сейчас это не имеет значения. Но решение мое — окончательное.

Бережкова сдвинула к переносице свои прекрасно очерченные брови, так что между ними возникла тонкая морщинка, она словно сосредоточилась на своей боли, затаившейся глубоко внутри.

— Алла Демьяновна, вы должны понять, что я ведь не из праздного любопытства интересуюсь вашей судьбой. Мне надо понять, почему погибли ваш муж банкир Акчурин и следователь Арбузов?

— Здесь и так все ясно. Их убили деньги. Да! Деньги, на которые покупаются киллеры и женщины, яхты и самолеты, машины и чиновники! Все! Я сказала более чем достаточно! Умоляю вас, позвольте мне вернуться в камеру. Признаюсь честно, только там я чувствую себя в безопасности.

— Хорошо, Алла Демьяновна, но я думаю, что это ваше настроение — явление временное. Будет новый день, и мы вернемся к разговору. Простите, если я чем-то невольно вас обидел. Или напугал?

— Что вы! К вам у меня нет никаких претензий.

Турецкий вызвал конвоира. Бережкова вышла из следственного кабинета не простившись и не взглянув на следователя.

«Она, конечно, чего-то боится. Сообщение о смерти Арбузова ее повергло в смятение. А может быть, это только игра? И мне все показалось? — рассуждал Турецкий. — Странная позиция... Уж лучше б юлила, пыталась выгородиться. Или таким вот образом она пытается набить себе цену? Ах, женщины, женщины...»

6

Каждую свободную минуту Турецкий изучал документы банка «Ресурс», хотя было множество других дел, но то, что можно было пока отложить, он откладывал и углублялся в чтение нудных бухгалтерских документов.

Этим же он был занят и в то утро, когда поджидал Евгения Матвеевича Крохина, бухгалтера фирмы «Спектр», которую возглавлял депутат Госдумы Долгалев. Главбух опаздывал, а непунктуальность всегда возмущала следователя.

Неожиданно позвонил Грязнов, спросил:

— Один, что ли, сидишь?

— Здравствуй, Слава. С чем связан твой вопрос?

— Прости, здравствуй, — заторопился Грязнов. — Сейчас к тебе подъедет мой Саватеев.

— Зачем?

— Дело в том, что твоего бухгалтера уколошили.

— Крохина? — изумился Турецкий.

— Да.

— С чего ты взял?

— Видишь ли, каждое утро, в десять, ответственный дежурный кладет мне на стол обзорную справку о происшедших за сутки происшествиях в столице и ее окрестностях. И вот сегодня узнаю, что на сорок первом километре Волоколамского шоссе нынче ночью была перестрелка, а под утро

водитель КраЗа обнаружил на обочине труп нашего бухгалтера.

— Где он теперь?

— В морге. Где же ему еще быть?

— Что ж, если гора не идет к Магомету, то Магомет...

— Вот именно, — вздохнул Грязнов. — Прямо руки опускаются! Сколько этих подонков на свете живет, жаждущих крови!.. Когда ж мы с тобой их переловим! Честное слово, я согласился бы на воде и хлебе сидеть ради того, чтоб остаться без работы! И чтоб всю эту мразь, наконец...

— Ладно, я спускаюсь.

— Давай, Коля подвезет сводку и сгоняет с тобой в морг.

Крохин был мал ростом; тонкие и длинные пальцы выдавали в нем потомственного интеллигента, об этом же говорил и высокий лоб с коротким ежиком светлых волос. Автоматная очередь прошила бухгалтера вдоль тела сверху вниз.

Турецкий болезненно сморщил лицо и сказал:

— Какие мерзавцы!

— Довольно наглое убийство, — солидно согласился Саватеев. — Представляете, они оставили его на шоссе со всеми документами! Ничего же не боятся!

— Ну... хоть помогли своевременно опознать человека... А то валялся бы в морге неопознанный труп. Придется теперь и это дело брать на себя, соединив с делом по банку «Ресурс».

— Слишком это ваше дело разветвляется, — высказал со-

мнение Николай.

— Ничего, создадим следственную бригаду, подключим других следователей, ваших оперативников. Похоже, этот банк «Ресурс» требует постоянных жертвоприношений.

— Крохин, видно, знал что-то важное, коль его убрали так оперативно.

— Но теперь он уже ничего не расскажет, — с сожалением произнес Турецкий. И подумал, что надо срочно встречаться с родственниками покойного. Возможно, они что-то знают. Может, остались документы в архиве покойного... — Позвони, Николай, своему шефу и попроси его навести справки о родственниках Крохина. И скажи, что хорошо бы и с Долгалевым пообщаться.

— Но у него же, говорил Вячеслав Иванович, депутатский иммунитет.

— Лично я почему-то уверен, что сегодня его и в Москве нет, — убежденно сказал Турецкий. — Готов поспорить.

Они вышли в другую комнату и увидели санитаря, сидевшего отрешенно за столом в грязном халате и курившего едкую папиросу. Нос у него был иссиня-красный, поскольку слишком часто приходилось ему перебивать спиртом запах брэнной человеческой плоти и формалина. Известное дело: люди, которые ходят близко со смертью, долго не живут. Небытие затягивает всех, как в черную дыру.

— Разрешите позвонить? — спросил Саватеев.

Санитар молча кивнул.

Николай быстро связался с Грязновым, передал просьбу Турецкого, а затем передал Александру трубку.

— Слава, готов спорить, что Долгалева нет в Москве.

— Давай на бутылку. Сейчас выясню, не клади трубку, — и заговорил по другому аппарату: — Добрый день, смогу ли я поговорить с господином Долгалевым?

— Нет, он в отъезде, — ответили ему.

— Когда он уехал?

— Вчера.

— А куда?

— В Петербург.

— Надолго?

— Неизвестно. Поездка деловая, и все будет зависеть от того, как сложатся обстоятельства.

Грязнову не пришлось пересказывать разговор Турецкому, так как тот практически все слышал.

— Александр Борисович, ты, как всегда, прав, а с меня бутылка! — бодро заявил Грязнов. — Откладывать доброе дело не будем?

— Только съездим на сорок первый километр, посмотрим на месте, что к чему, — предложил Турецкий.

— Что остается проигравшему? Заезжай. Я жду, так и быть, составлю тебе компанию.

Они заехали к начальнику красногорского отдела милиции майору Максимову, выезжавшему утром на место происшествия, чтобы с ним осмотреть местность. Иногда самая незначительная деталь может навести сыскаря на нужный след. К тому же, чтобы понять мотивы преступника, надо уметь ставить себя на его место, то есть следователь всегда как бы ведет сеанс одновременной игры.

Майор Максимов был из весельчаков, упитанный, краснощекий, он всю дорогу сыпал анекдотами, заразительно хохотал, чем даже слегка притомил своих попутчиков.

За окнами грязновского «форда» мелькали безрадостные картины поздней осени: пустыри, кучи мусора, гаражи, склады, потом потянулся лесной массив.

— Все, мужики, тормозите! Приехали, — сказал Максимов.

Машина остановилась на обочине, пассажиры вышли в промозглую сырость, кутая подбородки в воротники и поживаясь от холода.

— Какая мерзость эта осень! Уж лучше бы морозец! — потирая руки, произнес Максимов, глядя себе под ноги. — Ну вот, смотрите, еще видны бурые пятна на земле. Вот здесь он лежал на спине и смотрел в небо, глаза были открыты, и взгляд удивленный, словно он не мог поверить в свою

смерть.

— Ну, это ты, майор, уже сочиняешь, — засомневался Турецкий.

— А чего мне сочинять? Я всяких мертвецов за свою службу насмотрелся, а такого впервые видел. Честно вам говорю.

— Гильзы нашли? — спросил Грязнов.

— Да. Автомат Калашникова, экспертиза подтвердит.

— Хорошо. Мы проследим, чтобы все следственные материалы были направлены к нам, так как дело мы забираем.

По этой дороге уже проехало множество машин, возможно, и был свидетель, видевший трагедию сегодняшней ночи, да где ж его искать... Место пустынное, впереди овраг. Это счастье, что убийцам не пришла в голову мысль захоронить труп где-нибудь в лесу. Тогда б и вовсе никаких следов не нашлось бы.

— Ладно, можно ехать. Конечно, нужно подключить агентуру. И еще. Считаю, что надо дать объявление в прессе и на телевидении, может, хоть таким образом найдется какой-нибудь свидетель, — сказал Турецкий.

— Теперь куда? — уточнил Грязнов.

— Завезем майора и — в Москву. Надо встретиться с сослуживцами убитого бухгалтера и родителями, если таковые имеются. Будем выполнять свои обязанности.

— Кстати — об обязанностях, — сказал Максимов, грузно усаживаясь в машину. — Дело было так. Посватался к мо-

лодухе богатый старикашка, то да се, сыграли свадьбу. Вот женщина и думает: «Черт с ним, с этим стариком! Заведу себе любовника и буду жить, хоть богатством воспользуюсь. Может, и хорошо, что он ничего не может». Легли спать в разных спальнях, как и положено в богатых семьях. Но прошло минут десять, послышался стук в дверь, входит старик, вежливо просит прощения за вторжение, но пришел, мол, по делу — выполнить супружеские обязанности. Женщина удивилась, но отказывать не стала. Супружеские обязанности, сами понимаете, дело святое. Старичок поработал, убрался восвояси, а минут через десять опять стук в дверь. Оказывается, он снова пришел выполнить супружеские обязанности. Прошло некоторое время — все повторилось. Тут уж женщина вся измаялась и возмутилась: «Сколько можно? Всю ночь ходите и ходите! Обязанности выполняете и выполняете, а когда же я спать буду? Скоро утро на дворе!» Старик подумал и ответил: «Прости, голубушка, проклятый склероз замучил. Выполню обязанности и забуду, вот так и хожу всю ночь. Ты уж меня останавливай, когда невмоготу станет...» Максимов захохотал. Слушая его смех, невольно улыбнулись и Турецкий с Грязновым.

Тяжелая работа, близость чужой беды и собственной смерти приучила этих людей жить, не заикливаясь на мрачном, а искать отдохновение в чем-то простом и обычном: в сочувственном взгляде, в шутке и анекдоте, иногда в цинизме. Иначе выжить здесь было бы невозможно. Слишком

страшна жизнь, поправная смертью.

8

В фирме «Спектр» было немногочисленно: секретарша, несколько менеджеров, четверо охранников. У всех был подозрительно занятой вид, словно никого не интересовало появление в офисе начальника Московского уголовного розыска и «важняка» из Генпрокуратуры.

Длинноногая секретарша, улыбчивая, с чистым приятным лицом, с нарочитой вежливостью предложила им кофе.

— Примите наши соболезнования по поводу безвременной кончины вашего коллеги, — сказал Турецкий.

— Ой, это ужасно! Я была в шоке! Правда! Женя такой безобидный человек, кому понадобилось его убивать?

На лице девушки было написано искреннее сожаление о том, что Крохина не стало.

— Как вас зовут? — спросил секретаршу Грязнов.

— Светлана, — ответила она жеманно, моментально забыв о своем недавнем шоке.

— Прекрасное имя. Скажите, Светлана, а какие отношения были у Долгалева и Крохина? — Слава замер в ожидании.

— Обыкновенные.

— Не ссорились?

— Не знаю. Я вообще предпочитаю ничего не слышать и не видеть. В кабинете Долгалева часто бывает шумно: анек-

доты рассказывают, о чем-то спорят. Это мужские дела, они меня не касаются.

— А как прошел вчерашний день? — спросил Турецкий.

— Обыкновенно. Собрались к вечеру в кабинете директора, шумели, потом уехали проводить Долгалева в Петербург, — сказала секретарша, допивая свой кофе.

— А каким транспортом ваш шеф намеревался уехать?

— Не знаю.

— Спасибо, Светлана, кофе был замечательный, — поблагодарил Турецкий. — Мы зайдем еще к вашим менеджерам, пообщаемся.

— Да. Пожалуйста, они в соседней комнате.

Трое парней сидели у компьютеров, чрезвычайно занятые.

— Здравствуйте, молодые люди, мы из Генпрокуратуры к вам с визитом, — представился Турецкий.

Парни настороженно переглянулись.

— Скажите, пожалуйста, чем вы занимались вчера вечером?

Плотный коренастый парень спокойно ответил:

— Проводили Долгалева и разъехались по домам.

— Расскажите поподробнее, как ехали, куда? На чем уехал Долгалева?

— По Ленинградскому шоссе проводили за Химки, потом вернулись. Долгалева дальше поехал с водителем на «мерседесе».

— А почему вы за всех отвечаете? Остальные отчего молчат?

— Подтверждаем. Да, так и было, — вразнобой ответили двое.

— На Волоколамское шоссе не сворачивали? — уточнил Грязнов.

— Нет, — ответил плотный. — Зачем, это же не по пути?

— А Крохин тоже был с вами? — спросил Турецкий.

— Нет, он уехал домой. У него голова болела. — Плотный ухмыльнулся. — Он у нас такой хлипкий был...

— Как он себя вел? О чем вы совещались вчера перед отъездом?

— Производственные дела. Обычные темы... И Крохин вел себя, как обычно. Собственно, я ничего особенного не заметил, — заключил плотный.

— Хорошо, значит, ничего вы нам рассказать не можете? — задумчиво произнес Турецкий. — Надеюсь, вы осведомлены, что за дачу ложных показаний следует серьезное наказание? А теперь, пожалуйста, назовите себя полностью, я запишу. На днях я вызову всех вас на допрос.

Записав фамилии и адреса менеджеров, Турецкий прошелся по кабинету, посмотрел из угла на присутствующих.

— Проводите нас в кабинет Крохина.

Плотный парень поднялся, сказал:

— Пойдемте.

Они вошли в кабинет, на двери которого была надпись:

«Главный бухгалтер». В небольшой комнате тесно ютилось несколько столов. На одном из них возвышался компьютер. На полках стеллажа было пусто, словно отсюда заблаговременно вынесли все бумаги.

— Не вижу документации, — удивился Турецкий.

— А какая здесь может быть документация, все заложено в память компьютера, — сказал сопровождающий.

В комнате было неуютно и одиноко, словно помещение утратило живое тепло и чувствовало свое сиротство.

— У меня последний вопрос к вам, простите, еще не запомнил, как вас зовут? — обратился Турецкий к плотному парню.

— Артем Дворников.

— Вы, господин Дворников, давно работаете с Долгалевым?

— Около года.

— В каких фирмах?

— Сначала в «Тюльпане», потом в «Спектре».

— Понятно. А сколько всего фирм за свою жизнь успел открыть Долгалев?

— Не знаю, никогда об этом с ним не говорил.

— Вы могли бы уйти отсюда? Перейти на другую работу?

Парень смутился, поспешно ответил:

— Нет, а зачем?

— Ну, предположим, если бы что-то более интересное появилось...

— У меня есть определенные обязательства по отношению к фирме, понимаете?

— Не совсем.

— Всякое предприятие имеет свои коммерческие тайны и несет ответственность за их неразглашение. Когда человек уходит, мы как бы теряем над ним контроль, то есть как бы наживаем потенциального врага.

— Значит, по собственному желанию уволиться невозможно?

— Сложно.

— Спасибо.

Турецкий и Грязнов простились с менеджерами и направились к своей машине. Ощущение от посещения фирмы было тягостным.

— Ты понял, в какой кабале держит своих подчиненных Долгалев? — спросил Турецкий Грязнова.

— Да, что-то здесь крепостным правом пахнет.

— Как думаешь, на этой почве могло что-нибудь созреть?

— Вполне.

— А кто у Крохина есть из родственников?

— Отец и две сестры, погибший был младшим в семье.

Поедем туда?

Турецкий вздохнул, почесал затылок, засомневался:

— Они сейчас наверняка не в себе, может, не стоит беспокоить семью? У них и без нас хватает хлопот.

— Как знаешь, — не согласился Грязнов. — Я бы все-

таки съездил.

— Нет, я попробую сегодня снова наведаться к госпоже Бережковой, а потом уж займусь и Крохиным. А ты, Слава, войди еще раз в контакт с вашим управлением по экономическим преступлениям — напомни, пусть покопают «Ресурс». Узнай у них свежие новости.

Поднимаясь к себе, чтобы взять следственные материалы для допроса Аллы Бережковой, Турецкий мысленно прикидывал, как вести себя с ней. Напористость здесь, видимо, ничего не даст. С ней придется быть обходительным и чутким. Что-то в этой женщине надломлено. Такое впечатление, что она потерялась и сильно напугана, не верит в собственные силы, находится на грани срыва.

В кабинете звонил телефон. Турецкий открыл дверь и, не раздеваясь, поднял трубку. Услышал незнакомый голос, звонили из СИЗО.

— Ваша подследственная Алла Бережкова скончалась.

— Что?! — не поверил своим ушам Турецкий.

— Скончалась Алла Бережкова.

— Что с ней?

— Отравление каким-то сильным наркотиком.

— Где она сейчас?

— В морге, в медсанчасти изолятора.

— Я выезжаю! — сказал Турецкий.

Такого исхода он никак не ожидал. Бережкова была, по сути, главным козырем в расследовании деятельности банка

«Ресурс». Только она могла указать, где находится недвижимость в России и за рубежом, без установления этих объектов и последующей их продажи невозможно было вернуть деньги вкладчикам. А еще предстояло обнаружить многочисленные вклады в иностранных банках, сделанные подставными лицами. Возвращение этих денежных средств — тоже задача весьма сложная. Бережкова наверняка знала множество фамилий, за которыми стояли истраченные средства банка. И боялась этих людей...

Самоубийство это или умышленное убийство путем отравления? Странно, ведь и ее муж умер такой же смертью. А что, если и мужа, и жену отравил один и тот же преступник?

Несколько дней прошло с тех пор, как Турецкий принял к своему производству дела о недоказанном пока, правда, убийстве Геннадия Арбузова и о проклятом банке «Ресурс», начатое все тем же Генкой, но так же и зависшее в связи с гибелью следователя, а вокруг уже громоздились десятки новых загадок, приплюсовавшихся к старым. И — никакого просвета.

Он смотрел в мертвое лицо Аллы Бережковой, желтое, заостренное, так мало похожее на вчерашнее, живое. Не хотелось верить в эту нелепую смерть, но факт оставался фактом.

Турецкий отправился к давнему своему знакомому Петру Николаевичу Миронову, заместителю начальника СИЗО, чтобы ознакомиться с обстоятельствами смерти заключенной и взять необходимые для следствия документы.

В казенном по-тюремному кабинете Миронова они покурили, перебросились несколькими словами о житье-бытье. Между тем Турецкому не терпелось узнать подробнее о смерти Бережковой.

— Сегодня утром надзиратель обнаружил ее мертвой. Наш врач из медсанчасти определил отравление наркотическим веществом. Вот заключение. Правда, решение о причине смерти даст судмедэксперт после вскрытия.

— Но откуда у нее могли взяться наркотики?

— А Бог ее знает! Может, с передачей умудрились передать. Голь на выдумку хитра.

— Разве она употребляла наркотики?

— По моим данным — нет. Но это дело такое, что в любой момент человек способен пристраститься к этой отраве.

— Когда ей передавали передачу в последний раз? — уточнил Турецкий.

— Вчера была принята передача от гражданки Сурковой Марины Демьяновны.

— Хорошо, я допрошу эту Суркову, черт бы ее побрал! — зло сказал Турецкий.

— А тебя, я вижу, совсем расстроила эта смерть?

— Да, Петр Николаевич, этот банк уже столько трупов за собой потащил! Я начинаю запутываться в нитях и связях. Самое странное то, что едва начинаю разрабатывать какую-то версию, как сразу же самое необходимое звено выпадает.

Александр задумался, листая документы, представленные Мироновым. Закралось сомнение, не сам ли он, Турецкий, стал причиной всего случившегося? Ведь это он допрашивал Бережкову последним. Как заметил классик: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». К тому же она была совершенно определенно повергнута в отчаяние. Не оно ли и принудило ее стать самоубийцей? Но теперь уже поздно — ничего не изменить и не поправить.

— Чем она занимается — эта Суркова? — спросил Ту-

рецкий.

— Откуда я знаю!

— Конечно, то, что Суркова вчера принесла передачу, еще не доказательство того, что это именно она оставила отраву. Может, Бережкова сама имела наркотик в заглажке?

— Человек — это такое существо, — признался Миرون, — что ничего невозможно предсказать. А уж если говорить о женщинах, так тут и вовсе дурдом. Что у них в голове, сам черт не поймет. Мелкий и коварный народец. Вот ты, Александр Борисович, сейчас ведь и мою команду начнешь подозревать, что отраву доставили?

— Такая у меня профессия — подозревать, — улыбнулся Турецкий. — Конечно, придется подозревать. И копать, допрашивать. А как Бережкова вела себя накануне вечером? Что говорит контролер?

— Ничего особенного не заметил.

— Что ж, спасибо, Петр Николаевич, за информацию и за документы. Пошел я...

Турецкий простился с Мироновым. Надо было спешить. Действительно, слишком много на него свалилось в последние дни. И все дела зависали, а он с ужасом думал о том, что еще добрая половина материалов, относящихся к делу банка «Ресурс» еще не изучена. Он никак не мог ухватиться за что-то важное, что стало бы разгадкой множества трагедий, связанных с этой злополучной организацией.

Из прокуратуры Турецкий позвонил Грязнову.

— Что нового? — спросил тот.

— Хреново, Слава.

— Что еще случилось? Между прочим, я про свой проигрыш помню. Так что, если настроение хреновое, могу соответствовать.

— Бережкова отправилась в лучший мир.

— Как это ей удалось?! — изумился Слава. — Когда?

— Наглotalась наркотиков.

— Редкий случай. Если не ошибаюсь, ее бывший супруг — тоже?

— Вот именно. Просто голова кругом идет.

— И что ты собираешься предпринять по этому поводу? — нетерпеливо спросил Грязнов. — Это же был твой самый важный участник и свидетель преступлений! Неужели провал?

— Да, — согласился Турецкий. — Вот по этому поводу у меня есть предложение, Слава. Бережковой приносила вчера передачу некая Суркова. Дай задание Саватееву разыскать эту особу и побеседовать с нею лично. Только, пожалуйста, не вызывайте повесткой, пусть он подъедет сам. У меня нехорошее предчувствие: наши свидетели исчезают, как только мы ими начинаем интересоваться.

— Будет сделано.

— А что с пожаром?

— Ничего утешительного. По заключению пожарных,

взорвались баллоны с газом. Там выгорело все. Огонь, знаешь ли, здорово замечает следы. От неподвижности одни обгорелые стены остались.

— Кроме мальчишек, видевших поджигателей в масках, больше никаких свидетелей не обнаружилось?

— Нет. Так что получается обычная бытовуха. А теперь и счет, оказывается, предъявлять некому.

— Мне, Слава, надо собраться с духом и дочитать этот кошмар — материалы дела по банку «Ресурс». Я больше не могу терять время на изучение документов. Картины в целом не вижу. А у нас тем временем свидетелей убивают.

— Хорошо, Николай сегодня же выудит эту твою Суркову.

Женщина стояла на пороге и бессмысленно улыбалась. Потом протянула руки к Саватееву, обняла за шею и томно прошептала:

— Ангелочек ты мой маленький, я жду тебя целую вечность.

— Вы Суркова Марина Демьяновна? — спросил строго Николай, отводя ее руки.

— Я это, душа моя. Понимаю, входи. Эта лестница... соседки, собаки, кошки, мышки...

Она отступила в прихожую, пропуская мужчину. Саватеев заколебался: женщина явно наглоталась наркотиков и вряд ли сейчас способна дать какие-либо показания, но с другой стороны, возможно, именно в таком состоянии она сможет сказать то, о чем побоялась бы и подумать на трезвую голову.

— Кто у вас в квартире? — на всякий случай спросил он.

— Только я и ты, родной. Я видела тебя сегодня во сне, ты летел ко мне на ангельских крыльях.

— Марина Демьяновна, а вы не принимаете ли меня за кого-то знакомого?

— Я же говорю, что видела тебя во сне! И вдруг — наяву. Чудеса, правда?

Саватеев наконец переступил порог и оказался в прихожей. В квартире было необычно холодно.

— У вас не работает отопление?

— Работает, солнце мое! У нас все работает, но мне жарко! У меня все тело горит, — она взяла Николая за руку и повела в комнату, где было широко растворено окно, мокрый ветер шевелил шторы. — Я ждала тебя, изнывала от любовного огня. Я сейчас умру.

Женщина прильнула к нему, обвила руками шею, закрыв глаза, ждала его поцелуя. А он резко освободился из ее объятий, усадил в кресло, крикнул:

— Прекратить сексуальную истерику! Я из милиции!

— Да? — изумилась она. — А разве милиционеры не любят женщин? Ты не прав, душа моя. У меня уже был один капитан милиции, и он меня очень обожал, невзирая на то что имел жену.

— Ну, а я пока старший лейтенант. Значит, есть перспектива. Гражданка Суркова, вы вчера приносили передачу вашей сестре Бережковой?

— Да, сладкий мой. Я приносила ей передачу. А через месяц опять понесу. Алла — замечательный человек, я ее люблю, всех люблю, только меня никто не любит, — она захныкала, по-детски вытирая глаза кулаком.

— Вы употребляете наркотики?

— Это не наркотик, это порошок от головной боли.

— А где вы его берете?

Она вдруг испуганно взглянула на Саватеева и спросила:

— А ты правда из милиции?

— Да.

— И ты меня арестуешь за этого порошочек?

— Нет. Зачем же? Это, наверно, лекарство, коль вам так хорошо помогает. У меня тоже бывают адские головные боли. Скажите, где вы его покупаете?

— У Мирека. Он мне дает по большому благу.

— А вы, Марина Демьяновна, могли бы познакомить меня с ним?

— Могу, но ведь ты, душа моя, не любишь меня, — она кокетливо улыбнулась. — А ты знаешь, я умру без твоей любви.

Глаза ее снова засветились страстным огнем желания. В мгновение ока она кошкой повисла на шее Саватеева и впилась в его губы. Он едва оторвал от себя женщину и не без труда вернул ее в кресло.

— Гражданка Суркова, давайте сначала все обговорим, а потом уж будем объясняться в любви. Вам не холодно? Может, окно закрыть?

— После порошочка мне жарко, я хочу раздеться, ты мне поможешь? Ну пожалуйста!

Она стала торопливо расстегивать блузку. Николай чертыхнулся, появилось желание отхлестать ее по щекам, привести в чувство, но он понимал, что это ему не под силу, следует как можно скорее вызвать бригаду из психоневрологического диспансера. Он же медлил, надеясь еще хоть что-нибудь узнать о наркотике и Бережковой.

— Марина Демьяновна, ответьте мне еще на несколько вопросов, а потом я сделаю для вас все, что пожелаете.

— Ты полюбишь меня, ангел мой? — страстно спросила она. — Полюбишь? Да?

— Разумеется. Но — позже, как в капитаны произведут. Скажите мне, вы собственноручно готовили передачу?

— Передачу готовил Вовочка Козлов, Алкин любовник.

— Разве у нее есть любовник?

— Да, но это секрет, никому нельзя говорить, — женщина приложила палец к губам. — Никому и никогда.

— А чем этот ваш Вовочка занимается?

— Он бизнесмен, у него магазин, дома, пароходы... Не знаю, не пытайте. Прежде он работал с Алкой, а потом, когда банк лопнул, он занялся собственным делом. Но Алку любит. Так любит! Интересуется, заботится. Я ему говорю: пока она в тюрьме, полюби меня. А он смеется, он все время смеется...

— А каким образом погиб муж Бережковой?

— Я не знаю... У него, наверно, что-то было с сердцем, уснул и не проснулся. Хороший был человек, царство ему небесное.

— Марина Демьяновна, а как мне разыскать Мирека, чтобы порошок у него купить от головной боли?

— У меня есть телефончик, душа моя. Но ты меня уже достал своими вопросами, — капризно сказала она, протягивая ему записную книжку. — Я сейчас тебя, мой сладень-

кий, проглочу.

— Минуточку, Марина Демьяновна, один звонок Миреку — и я в вашем распоряжении.

— Хорошо, я воды попью и вернусь, а ты готовься.

Николай быстро набрал номер Грязнова, сказал:

— Я у Сурковой, она наглоталась наркотиков. Гоните сюда медицину. Я пока заговариваю ей зубы.

— Жди меня, — ответил Вячеслав.

Женщина повисла у Николая на шее сзади, ладони ее с силой сжали его горло, он локтем ударил ей в живот, и она упала на пол.

— Мерзкий, мерзкий мальчишка! Зачем ты меня бьешь?

Он помог женщине подняться:

— Простите, Марина Демьяновна, я боюсь щекотки. Вы же набросились на меня, как сиамская кошка.

— Это ты хорошо сказал, мой козленочек. Я кошечка, маленькая, ласковая, погладь меня. Пожалуйста, пожалей маленькую Маринку...

Саватеев усадил женщину на диван, сам сел рядом, стал гладить ее по голове, и она затихла, притаилась под мужской рукой. Время тянулось медленно, он с нетерпением ждал, когда же появится бригада врачей, когда приедет начальник. Остаться одному с обезумевшей женщиной было невыносимо.

От резкого звонка в дверь женщина чуть не подпрыгнула, испуганно огляделась, но, увидев Николая, слабо улыба-

нула, сказала:

— Мне было с тобой замечательно. У нас все, все было!

— Вам это приснилось, Марина Демьяновна. Позвольте, я открою дверь.

— Нет, не надо. Нам помешают. Я еще хочу любить тебя.

— Гражданка Суркова, успокойтесь.

Саватеев быстро пошел к двери, она вцепилась в его руку, пытаясь удержать.

Когда на пороге возникли трое в белых халатах, а вслед за ними вошел Грязнов, Марина Демьяновна захлопала в ладоши, захохотала, приглашая в дом:

— Ангелы белые! Господи! Сколько мужчин! У меня никогда столько не было! Ангелы белые.

Санитары без лишних слов надели на пациентку смиренную рубашку, а врач записал данные больной, и все четверо покинули квартиру.

Глядя на растерянного Саватеева, Грязнов засмеялся:

— Попал в переплет?

— Как кур в ошип!

— Что узнал?

— У Бережковой был любовник, некто Вовочка Козлов. Так сказала Суркова.

— Интересное сообщение, передашь Турецкому.

Грязнов закрыл окно, проверил, выключен ли на кухне газ. Саватеев бегло осмотрел квартиру, возле постели нашел завернутую в бумажку щепотку белого порошка.

— Смотрите, Вячеслав Иванович, уж не это ли вещество употребляла Суркова?

— Не исключено. Передай его на биологическую экспертизу в наше ЭКУ ¹.

Они вышли из квартиры, щелкнув автоматическим замком.

¹ ЭКУ — Экспертно-криминалистическое управление ГУВД.

Грязнов и Саватеев заехали во двор Петровки, 38, но тут им навстречу выбежала дежурная следственно-оперативная бригада во главе со следователем Мосгорпрокуратуры Олегом Величко.

— Ты куда, Олежка?

— Что-то случилось на Красной площади. Голые бабы! Спешим.

— Все бабы в Москве сегодня посходили с ума? — недоуменно спросил Грязнов. — Просто наваждение какое-то. Николай, смотайся с ними. Что-то все это мне очень не нравится.

Оперативный микроавтобус помчался в сторону Кремля.

На Красной площади было многолюдно, толпа полукольцом обступила двух обнаженных девиц с распущенными длинными волосами и горящими глазами.

— Одержимые бесом! — крестилась набожная старушка и крестила несчастных срамниц.

Олег Величко выскочил из автобуса, стянул с себя плащ, набросил на первую попавшуюся девушку, повел к автобусу, а она и не сопротивлялась, обнимала оперативника, ласкалась к нему. Другую укрыл Саватеев казенным одеялом.

Девицы оказались совершенно невменяемыми, ничего не помнили, несли какую-то чушь и требовали немедленной

любви.

«Похоже, они употребляют тот же наркотик, что и Суркова», — подумал Николай.

— В клинику! — приказал Величко шоферу.

Девушка сбросила с себя его плащ, закричала:

— Мне жарко, я горю! Отпустите меня! Дайте воды!

Николай, имея уже кое-какой опыт общения с наркоманкой, снова укутал девушку плащом, сел рядом, стал гладить по голове. Олег, взглянув на него, таким же манером стал успокаивать другую фурию.

Психоневрологическая клиника приняла двух пациенток. Дежурная следственно-оперативная бригада вернулась на Петровку, 38, уже затемно. Николай отправился к начальству докладывать о странном совпадении реакций Сурковой и двух ошалелых девиц с Красной площади, которые, скорее всего, жертвы одного и того же странного наркотика.

Выслушав Саватеева, Грязнов решил позвонить Турецкому. Тот оказался на месте.

— ...В общем, она употребляет этот порошок от головной боли, потом, как понял Николай, у нее начинается сильнейший прилив энергии, она жаждет любви, прямо сгорает от страсти, и он едва отбил ее от нее. Честно.

— Сочувствую, — хмыкнул Турецкий.

— Зелье это она добывает у какого-то Мирека. Мы прихватили ее записную книжку.

— С Миреком мы, конечно, разберемся, — сказал Турец-

кий. — Вы мне теперь расскажите еще раз о любовнике Бережковой.

— Он прежде работал в банке, а потом занялся собственным делом. Передачи Бережковой готовил собственноручно. Это узнал Николай.

— Молодец, спасибо передай, что устоял перед безумной женщиной, усмирил ее и раздобыл хорошую информацию, а теперь было бы неплохо все это как следует проверить. Завтра же нужно узнать максимум о Миреке и любовнике. Но при этом надо быть предельно осторожными. Не спугнуть птичек и не демонстрировать своего пристального внимания. А то и их уберут. Дай-ка мне номер телефона этого Мирека.

Грязнов полистал чужую записную книжку, нашел нужную страницу. По номеру телефона в спецсправочном без труда определили адрес и фамилию Мирека.

— Ну как, может, сегодня нанести визит Мирославу Демидовичу Шайбакову? — спросил Грязнов. — У него, скорее всего, этот порошок и обнаружится. Вот и спросить: где раздобыл, кому продавал?

— А если не спешить? Завтра приведут в чувство девиц, которых мы доставили в клинику. Побеседуем с ними. Вдруг и они действительно пользуются тем же самым источником, что и Суркова. Хотя, конечно, в Москве хватает наркodelьцов, — задумчиво сказал Турецкий. — Но действие этого наркотика, похоже, весьма специфично, он резко повышает

половую возбудимость.

— Ладно, давай оставим свидание на завтра.

— Меня интересуют подробности о любовнике Бережковой.

— Зовут, повторяю, Владимир Козлов, бизнесмен, владеет магазинами, вот и все.

— Хорошо. Установим этого деятеля и допросим с пристрастием о Бережковой. Выясним: употребляла ли она наркотики? Он ведь пока единственный известный нам человек, который был приближен к руководству банка. Я имею в виду еще живых лиц.

— Я дам задание отыскать его, — пообещал Грязнов.

12

Утром, не заезжая в прокуратуру, Турецкий отправился в психоневрологическую клинику. В приемном покое медсестра предупредила следователя, что у девушек начался период ломки и с ними трудно общаться. Однако это его не остановило, тогда медсестра провела его в палату Ольги Сияковой.

— Доброе утро, Ольга, — поздоровался Турецкий.

— Какого черта?! О, я сейчас издохну! Вы врач?!

— А кого вы ждете?

— Мирека, мне нужна доза! Сейчас же! Господи, спасите же меня!

— Хорошо, я найду вашего Мирека, только скажите, где его искать, назовите фамилию и полное имя.

— Достал! Ну кто не знает Мирека? Позови, слышишь! Будьте вы прокляты! Все! Провалитесь вы в тартарары! Ненавижу! Я хочу умереть! Умереть! Убейте меня! — Девушка забила в истерике.

— Ольга, прошу вас, успокойтесь. Как мне найти вашего Мирека? Я сейчас же позвоню ему, — пообещал Турецкий.

Девушка назвала телефон. Сомнения исчезли: источник продажи наркотика был тот же, что и у Марины Сурковой. Однако Турецкий дотошно выспрашивал:

— Скажите, Оля, а ваша подруга, Таня Юркина, тоже по-

купала наркотики у Мирека?

— Да, да, ну, иди же скорей! Ты обманул меня! Я так и знала! — Девушка вцепилась в одежду Турецкого, начала неистово его трясти и выкрикивать проклятия.

На крик прибежала медсестра, помогла оторвать пациентку от следователя, уложила ее в постель, дала успокоительное.

— Что еще вам угодно? — сдержанно спросила медсестра в приемном покое, отдавая должное его высокому чину, как-никак, а название «Генеральная прокуратура» звучит.

— Мне необходимо побеседовать и с Мариной Сурковой.

— Ну, эта не такая буйная, с нею, пожалуй, можно, — согласилась медсестра. — Но, пожалуй, будет лучше, если я приведу ее сюда. Там в палате несколько больных женщин.

— Ведите, — согласился Турецкий.

Суркова вошла, опустила голову, словно боялась, что ее кто-то узнает. На вид ей было лет сорок, невзрачная, серая женщина, с мутными от пережитой тяжелой ночи глазами, с сильной отечностью на лице.

— Здравствуйте, Марина Демьяновна, — поздоровался Турецкий.

Женщина со страхом подняла глаза, но, увидев незнакомца, успокоилась, ответила на приветствие.

— Я — из Генеральной прокуратуры, зовут меня Александр Борисович Турецкий. Я хотел бы расспросить вас о вашей сестре Бережковой Алле Демьяновне.

— Да что говорить? Хорошая она, только судьба ей досталась такая, что бросает из огня да в полымя.

— Она, как и вы, употребляла наркотики?

— Алка? Да нет, никогда! Она и мне не разрешала! Сильно ругала, когда узнала.

— А вы давно употребляете наркотики?

— Как-то попробовала, но Алка из меня эту дурь выбила. А вот теперь, когда она в тюрьме, я осталась совсем одна, семьи у меня нет. Вот от тоски и... сами понимаете...

— У кого берете наркотики?

— Я не могу его назвать, поймите, человек делает мне добро, и я не буду его закладывать.

— Человек этот делает зло. Давайте называть вещи своими именами! Вы помните, что говорили старшему лейтенанту милиции, который приходил к вам вчера вечером?

— Ничего не помню, — недоуменно посмотрела на Турецкого женщина. — Честное слово. Я думала, что меня на улице подобрали. А какой же лейтенант? Откуда?

— Вы рассказали ему, что у Аллы Бережковой есть друг Владимир Козлов, который подготовил передачу, а вы ее отнесли. Было такое?

— Было. Но Вовочка не любит, чтобы это афишировалось, поэтому я и не хотела, чтобы эти сведения шли от меня.

— Хорошо. Это можно сохранить в тайне. А как давно они знакомы?

— Это давняя дружба, собственно, он дружил с покойным

мужем Аллы, работал в банке, его уважали. Теперь у него несколько магазинов. Вот и все...

— Он сам готовил передачу Бережковой?

— Да. А я отнесла.

— Там были наркотики?

— Нет, что вы! Только фрукты, пирожные, конфеты. Алка любит сладкое. Ну, мыло, зубная паста, прочая мелочь...

Турецкий колебался: может ли он сказать сейчас правду о смерти сестры Марине Сурковой. Она больна. Однако и не сказать было бы подлостью.

— Я выражаю вам свои соболезнования, — издалека начал следователь, — но вынужден сообщить очень печальное известие. Ваша сестра Алла Демьяновна Бережкова скончалась в тюрьме от передозировки наркотика.

— Нет! Нет! Этого не может быть! — закричала Суркова. — Она никогда не употребляла наркотики! Она была сильная! Она не могла так умереть! Я уверена, ее убили!

— Кто? — резко спросил Турецкий.

— Не знаю, — вытирая слезы, произнесла Суркова. — Ведь ей многие завидовали. Она была такая красивая, умела одеваться, держалась королевой... Вы меня обманываете!

— Нет, Марина Демьяновна. Разве такими вещами можно шутить?

— Скажите, пожалуйста, а как же... дальше как быть?

— Я вам потом скажу, куда надо будет обратиться. Тело усопшей находится в морге. После вскрытия родственники

могут его забрать и похоронить.

— Господи! Что же это такое?! — снова зарыдала Суркова. — Почему у нее такая судьба? Из-за денег! Все из-за этих проклятых денег!

— Марина Демьяновна, я понимаю, что вам тяжело. Ответьте мне на последний вопрос: Владимир Козлов знаком с Миреком Шайбаковым?

— Да, конечно. Мирек тоже работал в банке, но потом ушел. Не знаю, чем он сейчас занимается.

Турецкий записал показания свидетельницы и попросил ее расписаться в нужных местах протокола.

Медсестра сочувственно смотрела на Марину Суркову. Она слышала весь разговор Турецкого с больной. Следовательно посчитал своим долгом замолвить словечко за женщину.

— Помогите, сестричка, этой женщине. У нее горе. Надо будет отпустить ее похоронить сестру. Я понимаю, что существует курс лечения и прочие формальности, но все мы люди смертные, и никто не застрахован от несчастья.

— А что я решаю? Это только главврач может дать такое разрешение!

— Понял, — сказал, поднимаясь, Турецкий. — Я сейчас же зайду к нему.

Суркова с надеждой смотрела ему вслед.

Эксперты-химики ЭКУ выдали заключение о том, что вещество, найденное в квартире у Марины Сурковой, и то,

чем была отравлена Алла Бережкова, идентичны. Это первитин, наркотический стимулятор. Производится он по сложной методике.

Первый экземпляр акта эксперты направили Турецкому, а с копией ознакомили Грязнова. Турецкий тут же позвонил Грязнову. Слава был искренне удивлен:

— Никогда не слышал о таком наркотике!

— Я тоже. Ну и что из этого? О Миреке что-нибудь узнать удалось?

— Да, конечно. Шайбаков Мирослав Демидович, безработный, промышляет наркотиками, но взять его с поличным никому не удавалось.

— Любопытно.

— Вот и я думаю, Саня, что это очень любопытно. Именно поэтому его и надо брать тепленьким! — загорелся Грязнов. — А для этого окружить таким вниманием, какое ему и не снилось.

— А зачем тянуть? Нагрянуть домой да сделать обыск. Неужели ничего не найдем?

— Трудно сказать. Коль этот наркотик производится по сложной методике, то, возможно, Шайбаков получает его готовым. Не исключено, что он прячет вещество вне квартиры. Почему прежде не удавалось взять его с поличным?

— Короче, Слава, что ты предлагаешь?

— Я думаю, надо за ним последить, проверить его контакты, курьеров и прочих людей, кто с ним связан.

— Но ведь на это уйдет уйма времени, — сокрушенно сказал Турецкий. — А мы с тобой и так уже зашиваемся со всеми этими мокрыми делами.

— Другого выхода просто нет.

— Ну, нет так нет. В конце концов, у тебя народ опытный. А что Козлов? Отыскали?

— Секретарша Козлова сказала, что он вчера улетел в Англию.

— Ах, опять мы опоздали! — с сожалением воскликнул Турецкий. — И сколько он там пробудет?

— Она сказала, что должен вернуться через месяц.

— А вот за этим субъектом следить надо обязательно. И как только появится, сразу же брать. Не зря он в Англию лыжи наострил! Возможно, именно там и хранятся деньги банка «Ресурс», которые он похитил вместе с Аллой Бережковой. Да и недвижимость, пожалуй, найдется, которую мы, к сожалению, очень плохо ищем.

— Интересно, что это за первитин такой? — вернулся Грязнов к заключению экспертов.

— Ты же сам видел вчера его действие!

— А что, те девицы с Красной площади тоже клиентки Шайбакова?

— Конечно же! Ольга Синякова то проклинала весь мир, то требовала привезти от Мирека дозу.

— Дела, — протяжно произнес Грязнов. — А наши химики ничего больше не знают о первитине?

— Позвони Семену Семеновичу, он наверняка слышал что-нибудь об этой отраве.

— О, идея! — обрадовался Слава. — Подожди, не клади трубку, — и стал набирать по другому телефону номер Моисеева.

Турецкий ждал. Моисеев оказался дома и, видно, обрадовался звонку, потому что и Грязнов радостно затараторил в трубку:

— Семен Семеныч, дорогой, зашиваемся! Спасай! — Слава включил громкую связь, и Турецкий мог теперь слышать их диалог.

— Тонете в море информации? — сочувственно спросил Моисеев.

— В самую цель попал!

— Рассказывай, что стряслось?

— Один тип торгует первитином. Слышал о такой отраве?

— Первитином? Чудеса! Конечно, слышал. Этот наркотик когда-то входил в аптечку военно-воздушных сил Соединенных Штатов Америки и английской разведки.

— Не может быть! — изумился Грязнов. — Что же дальше?

— Этот наркотик обладал превосходным стимулирующим действием, но из-за быстрого привыкания к нему от первитина отказались. Это все, что хранит моя дряхлеющая память.

— Семен Семеныч, не приbedняйся! Ты же у нас просто

ходячая энциклопедия! Цены тебе нет!

— Спасибо на добром слове. Заходите, ребята. Всегда рад видеть вас.

— Спасибо, будь здоров, Семеныч, как немного освободимся, обязательно с Саней нагрянем.

Грязнов отключил громкую связь и вздохнул:

— Вот такие пироги, Александр Борисович! Ломай теперь голову, откуда у Мирека могут быть наркотики, которые когда-то использовались в американских ВВС и британской разведке? Вот это задачка!

— Да. Но не будем отчаиваться, Слава, а примемся за дело. Бери любой нужный тебе народ и садись на хвост Шайбакову, а я оформляю постановление на обыск в его квартире и на арест этого наркодельца и беру санкцию у Меркулова. Ну распоясались! Честное слово, у меня такое впечатление, что преступники нас в упор не видят!

У Турецкого зазвонил внутренний телефон. Он поднял трубку, сказал «иду» и положил ее.

— Ну вот, на ловца и зверь бежит, Слава, — сказал Грязнову. — Меркулов вызывает. Успехов тебе!

Меркулов держал во рту леденец, отчего на щеке у него вздулась шишка.

— Присаживайся, Саша, — пригласил он.

Турецкий сел, намереваясь сначала выслушать Меркулова, а потом уже решать свои проблемы.

— Мне Казанский поведал, как идет расследование дела, касающегося банка «Ресурс», но я хотел бы непосредственно от тебя услышать, что там и как.

Александр рассказал о смерти Бережковой, о Козлове, отбившем в Англию, о Долгалева, скрывшемся в день гибели своего бухгалтера.

Меркулов внимательно выслушал, покачал головой, сказал:

— Поломаешь голову, пока развяжешь, но я тебе немного помогу, посмотри эту бумагу.

Перед Турецким лег документ, именуемый «О результатах проверки указов и распоряжений по вопросам формирования Госфонда драгоценных металлов и камней...». Он сосредоточился, вчитываясь в текст, в котором говорилось, что в июле 1997 года учредителями корпорации «Голден-мерри» В. Акчуриным и Н. Бартеневым при участии директора Северобанка А. Геранина, председателя Роскомдрагмета И. Ростикова и заведующего отделом финансов, бюджета и де-

нежного обращения М. Афанасьева были незаконно изъяты из Гохрана бриллианты, ювелирные изделия, золотые и серебряные монеты, бытовое серебро на сумму девяносто четыре миллиона долларов и под видом сырья переправлены в Англию. Корпорация с российской стороны не рассчиталась, так как вскоре распалась».

— Как тебе этот документик?

— Интересная тема для разговора с господином Козловым, находящимся в настоящий момент в Англии, — весело сказал Турецкий. — У меня есть все основания предполагать, что это именно он убрал Бережкову за то, что она заговорила на допросе у следователя Арбузова. А когда я ей сказал, что Арбузов погиб, она очень испугалась, заявив, что всему виной деньги, которые убивают людей. Тут вообще связка пока непонятная: «Ресурс» — Акчурин — Бережкова — и каким-то образом Арбузов.

— А что с расследованием смерти Арбузова?

— Пока ничего нового. Но дело определенно связано с банком «Ресурс». У меня две версии: первая — Арбузова убрали из-за того, что он прикоснулся к тайнам банка. Вторая — его принудили к самоубийству, пригрозив уничтожить семью.

— Какая у него была семья?

— В общем, обыкновенная. Разве что жена была старше лет на пять, но он ее обожал. Так говорят.

— Хреновая наша жизнь, Саша. Крутишься, спешишь,

планируешь, а тут является косая — и все.

— Чего нам, Костя, приbedняться? Как сказал незабвенный Твардовский, «пожили, водочки попили», хватит уже за глаза. Проживем, сколько сможем, и уйдем, уступив место другим.

— Это ты так рассуждаешь, пока молод, а как старость взглянет на тебя из зеркала твоим собственным лицом, ужаснешься, а деваться уже некуда.

— А кто этот Бартенев? Я что-то прежде не встречал такую фамилию, — спросил Турецкий, опять бросив взгляд на документ.

— Есть такой бизнесмен и депутат, я думаю, ты в своих томах эту фамилию еще встретишь. И возможно, не раз. Все эти люди давно и тесно связаны. Их хобби — казнокрадство. Но я тебе этот документ даю в связи с упоминанием в нем Акчурина. Видишь, куда следы деятельности этого банкира ведут? Подумай, не здесь ли причина и его гибели, и прочих неприятностей с «Ресурсом»?

Турецкий поднялся, собираясь уходить, но Меркулов явно не хотел с ним расставаться, спросил:

— Как твое семейство, Саша?

— Спасибо, все хорошо. Дочка растет, мы с женой стареем.

— Чтобы зря не стареть, вам бы сына завести.

— Да я бы, Костя, не возражал, но Ирка сопротивляется, у нее музыка, творчество и прочая чепуха.

— И с этим надо считаться, — вздохнул Меркулов.

Турецкий давно заметил, что у него хронически не хватает времени: чем активнее он работает, тем больше новой работы наваливается на него. И когда уже не в состоянии тянуть, хочется напиться, чтобы хоть на несколько часов отключиться от забот.

Вот, к примеру, и сейчас неплохо бы немного расслабиться, но как раз из проходной доложили, что к нему явился по повестке некто Крохин. Александр вспомнил, что сам же вызвал отца погибшего бухгалтера! Убрал материалы и пошел встретить старика — так он предполагал. И не ошибся: Матвей Романович был уже немолод, а горе еще более состарило его.

— Чем могу быть полезен? — спросил он, усаживаясь в кабинете следователя.

— Я веду расследование обстоятельств смерти вашего сына. Как вы думаете, почему это могло произойти?

— Я уверен, что его убили сослуживцы, — горько ответил старик. — Они ему угрожали, а потом... Не могу себе простить, что не сумел помочь ему.

— Почему вы так считаете?

— Это долго рассказывать, Александр Борисович...

— Матвей Романович, я специально для этого попросил вас приехать.

— Мой сын был слаб здоровьем, с детства мучили бронхи, но имел от природы замечательные способности...

Из дальнейшего рассказа старика Турецкий понял, что Женя Крохин с отличием окончил Плехановский институт, считался первоклассным экономистом, собирал материалы для диссертации. Работал ведущим на радиостанции «Резонанс». Но наступили рыночные времена, и научную работу ему пришлось отложить: он собирался жениться, нужно было содержать семью, а зарплата журналиста была слишком маленькой. Поиски работы привели в фирму Долгалева. Официально фирма занималась проектированием и продажей кирпичных заводов, а на самом деле являлась полулегальной конторой, которая под очень высоким прикрытием вывозила из России драгоценности и стратегическое сырье.

Старику было тяжело говорить, он попросил воды. Турецкий налил ему стакан боржоми.

— У меня сахарный диабет, жажда мучит, — сказал он. — Да. Так вот я и говорю. Женя быстро разобрался, чем пахнет это дело. Решил было пойти на попятную, однако в фирме ему разъяснили, что просто так от них никто не уходит, и посоветовали работать дальше и помалкивать, если жизнь дорога. Но у моего сына был такой характер, что не мог он терпеть никакой лжи.

— Скажите, а сколько ему платили? — спросил Турецкий.

— Немного. Около миллиона, но пообещали в конце го-

да помочь купить квартиру и машину. Он согласился — ловушка захлопнулась.

— Простите за то, что перебил вас. Вы говорили, что Женя не мог терпеть лжи.

— Он понимал, что не сможет долго продержаться в этой фирме, и стал готовить свое увольнение, тайно собирая материалы о преступной деятельности фирмы.

— Вам известно о каких-либо конкретных фактах?

— Однажды Женя принес домой «дипломат», полный документов и компьютерных дисков и сказал, что ему велели отмыть «грязные деньги», но что он на это не пойдет.

— А как вел себя ваш сын в тот последний день?

— Он не пошел на работу. Позвонила секретарша, спросила, что случилось. Потом кто-то из сотрудников вызвал его, сказав, что не могут сами решить какую-то проблему. И он уехал. Почему, почему я не задержал его?

Губы Крохина-старшего задрожали, лицо сморщилось, из глаз потекли слезы.

— Скажите, пожалуйста, Матвей Романович, вы могли бы показать мне документы, принесенные вашим сыном?

— Нет, не могу. Вчера явились какие-то люди в милицеской одежде, вооруженные, и все унесли.

Турецкий понял свою ошибку: следовало еще вчера съездить к старику самому, а не вызывать его повесткой. А теперь Долгалев и компания обошли его, и придется хорошо попотеть, прежде чем удастся доказать их вину. Александр

жалел, что не послушался Грязнова и по горячим следам не допросил отца потерпевшего. Тогда в его руках были бы доказательства, а теперь нет ничего.

— Что ж, Матвей Романович, простите великодушно, что я растревожил вас. Буду искать убийц вашего сына, а вы, если что-то новое вспомните, позвоните. Вот, — и Турецкий протянул старику свою визитку.

Оперуполномоченный МУРа старший лейтенант милиции Николай Саватеев целый день пас Мирослава Шайбакова, а вернее, мучился бездельем, так как объект после ночного загула проспал до обеда, потом ходил в гастроном и только вечером выехал на машине на Тверскую, где, взяв двух девиц, направился в «Софию». Сюда же, по звонку Николая, быстро подъехал и Грязнов, благо было совсем рядом.

Народу в ресторане было еще немного, и муровцы, сунув нахальному швейцару под нос удостоверение, прошли в зал, где Николай сразу отыскал взглядом Мирека с девками и указал на него Грязнову.

— Давай сядем поближе, — предложил Грязнов, видя множество еще свободных столиков.

— А вдруг заподозрит? — засомневался Саватеев.

— Его проблема! — засмеялся Грязнов.

Они сели за соседний с Шайбаковым стол, так что могли не только видеть каждое движение Мирослава, но даже слушать анекдоты, которые тот травил достаточно симпатичным девицам, профессия которых, впрочем, читалась на их

лицах.

Неторопливый официант взял заказ у посетителей за обоими столами. Нудно потянулось время. Грязнов искоса наблюдал за поднадзорным: хотел понять, каким образом этот некрасивый мужик «снимает» девиц? Что они в нем находят?

В облике Шайбакова было что-то противное, крысиное: длинный прямой нос, срезанный подбородок, тонкая нитка губ и оттопыренные уши. Роста он был ниже среднего. Возможно, этих «бабочек» привлекали деньги, которые тот щедро тратил в ресторане. Или что-то иное, к примеру, наркотики.

Официант водрузил на стол, за которым сидел Шайбаков с подругами, две бутылки шампанского, фрукты и всякие сладости. А перед муровцами возникли бутылки пива, триста водки в графинчике, легкая закуска. Николай, проголодавшись за целый день слезки, быстро смел всю пищу, и Грязнов, посмеиваясь, был вынужден заказать ему горячее.

За соседним столом не торопились, провозглашали тосты за любовь. Девицы вели себя жеманно, зыркая глазами по сторонам, одна из них, крашеная блондинка в мини-юбке, откровенно клеила Саватеева. Он же, не зная, как реагировать, поглядывал на начальство.

— Белобрысая положила на тебя глаз, — сказал Грязнов Николаю, — пригласи ее на танец и познакомься.

— А вы обойдетесь пока без меня?

— Вполне.

Николай был достаточно интересным, спортивным молодым человеком, и его невозможно было не выделить среди других, тем более в ресторане. «Опасно таких ребят брать на оперативную работу, слишком заметны, — с иронией подумал Грязнов. — Хотя я ведь тоже меченый — рыжий-рыжий, конопатый...»

— Ладно, тогда я пошел, — хмыкнул Николай, поднимаясь из-за стола.

— Дерзай, юноша.

Саватеев галантно пригласил девицу, и они ушли на площадку, где играл оркестр. Грязнов же старался не отвлекаться от наблюдений за Шайбаковым. Но тот лишь потягивал шампанское да поглаживал обнаженное предплечье своей подружки.

Ресторан постепенно наполнялся, словно посетители пытались спрятаться от предзимней слякоти в призрачный уют питейного заведения. Водка, коньяк, вино делали людей разговорчивыми и веселыми, общительными и доступными. Грязнов заметил, как оживленно беседуют во время танца Николай с девицей, и порадовался за коллегу, что не комплексует, а выполняет свою роль как подобает.

Танец скоро кончился, Николай проводил партнершу к ее столику и вернулся к Грязнову.

— Ну что? — спросил Слава.

— Говорит, студентка, но по лексикону — путана. С Шай-

баковым знакома недавно. Я предложил проводить. Она в принципе готова, но, как я понял, сильно сомневается в моих финансовых возможностях... если судить по нашему столу.

— Ладно-ладно, — усмехнулся «тонкому намеку» своего опера Вячеслав. — Ты про наркотики разговор не заводил?

— Нет. Не решился пока. Боялся спугнуть птичку.

— Ладно, еще подождем... Ишь ты, стол ей не нравится. А где я средства возьму?

Зазвучал быстрый танец. На подиуме возникли ресторанные танцоры — виртуозная, уже не юная пара, но великолепно и со вкусом одетая, в отточенных движениях которой так и играла бурная, огненная музыка. Взгляды всех присутствующих невольно устремились на них.

Только Грязнов устоял перед этим искусом. Зато он увидел то, чего мысленно давно ожидал. Шайбаков, проследив, что его дамы воззрились на танцующую пару, незаметно подсыпал в их бокалы белый порошок из бумажного пакетика.

Вячеслав мгновенно поднялся, склонился над Шайбаковым и тихо приказал:

— Следуйте за мной, я — из МУРа.

— По какому праву? — возмутился Шайбаков.

— Вы задержаны.

С другой стороны подошел Саватеев, взглядом спросил: берем? Грязнов утвердительно кивнул и взял оба бокала.

— Что вы делаете? — возмутилась блондинка.

— Спасая тебя от отравы, — спокойно ответил Грязнов.

Шайбаков хотел было кинуться к выходу, но Николай перехватил его и спросил:

— Наручники здесь наденем или в машине?

Шайбаков присмирел.

Грязнов подозвал официанта и приказал проводить его вместе с задержанным гражданином в кабинет директора, где будет составлен протокол задержания гражданина Шайбакова. Тут Мирек и вовсе раскис.

Посетители ресторана, те, кто успели заметить что-то необычное, только недоуменно посмотрели вслед уходящим мужчинам, большинство же просто не обратило никакого внимания. Слишком тихо прошло это задержание.

Турецкий ужинал, когда позвонил Грязнов. Ирина подняла трубку, услышала знакомый голос, стала приглашать Славу в гости, но, разочарованная отказом, сказала мужу:

— Грязнов совсем одичал, не желает со мной разговаривать, требует только тебя.

— Славка, что случилось? Приезжай, рюмочкой угощу, здесь все и обсудим.

— Спасибо, но у меня для тебя подарочек поинтересней.

— Не томи!

— Угадай с трех раз! — захохотал Грязнов.

— Неужели Мирека подстерег?

— Да! С поличным!

— Ну, молоток! Вот это порадовал!

— Ладно, не подлизывайся, — строго сказал Грязнов. —

Но теперь и с тебя причитается.

— Где ты его держишь?

— В доме предварительного заключения. Подъезжай сюда, допросим вместе.

— Жди!

— Господи, с этой дурацкой работой даже поесть человеку не дадут. Турецкий, я не доживу до пенсии! Ты меня доконаешь, — жалобно сказала жена.

— Ну что ты выдумываешь?

— А сейчас куда?

— Слава задержал наркоторговца, очень ловкого и хитрого, надо срочно допросить. Только и всего. Не волнуйся, никакого риска, побеседуем с молодым человеком пару часов — и по домам.

Турецкий наклонился и поцеловал жену в щеку.

— А меня? — попросила дочка.

— А тебя — просто обязательно, — отец подхватил девочку на руки, стал тискать и целовать в щеки, она смеялась, боясь щекотки.

Турецкий вышел на лестничную площадку, услышал голоса подростков, собиравшихся на лестнице этажом выше, и пошел вниз, где у подъезда стояла его собственная машина. Холодный ветер на улице рванул полы его плаща, но после домашнего тепла Александр не почувствовал холода.

Допрос Мирослава Шайбакова шел трудно. Поначалу уже пришедший в себя задержанный отвергал все обвинения и категорически отказывался отвечать на вопросы. Но когда из лаборатории Экспертно-криминалистического управления доставили подтверждение, что в шампанском, которое Грязнов слил из бокалов в две пустые бутылки, оказался растворен первитин и это же самое вещество при обыске было обнаружено в кармане арестованного, разговор пошел более предметный.

— Мирослав Демидович, где вы берете именно этот наркотик? — спросил Турецкий.

— Ну, где я могу его взять? Сам делаю, — тихо признался наконец Шайбаков.

— Ты, брат, ври да не завирайся! — резко вмешался Грязнов. — Мы знаем, что первитин изготавливался в секретных лабораториях Англии и Соединенных Штатов. Там тобой и не пахло. Какое у тебя образование?

— Среднее.

— Рассказывайте, не тяните, откуда к вам поступает наркотик? — настаивал Турецкий.

— Говорю: сам делаю. Прямо на кухне приспособился, наладил производство. Не верите, поедем ко мне домой, покажу.

— Обязательно поедем, поскольку ордер на обыск вашей квартиры вот он, у меня в кармане. Но поедем чуть позже.

— А почему ты выбрал именно этот наркотик? — спросил Грязнов.

— Первитин мощно повышает половую возбудимость. Сами видите, внешность у меня заурядная. Комплексовал по этому поводу. А мне всегда нравились красивые, стройные девушки. Так — взаимности никакой, а с первитином все легко и просто...

— Значит, ты подсыпал им в шампанское, как сегодня? — возмутился Грязнов.

— А что такого? Первитин не имеет вкуса и запаха. Повышает настроение и жизненный тонус. И никакой усталости в течение нескольких суток! Полный кайф. Трахаешься

и еще хочется.

— А вас не смущает то обстоятельство, что девушки по вашей воле становятся наркоманками? В психоневрологической клинике в настоящее время находятся уже три ваших жертвы. Возможно, за последние сутки их количество увеличилось, — заявил Турецкий.

— Это не мои проблемы, — парировал Шайбаков.

— Ваши, ваши, господин Шайбаков, по статье двести двадцать восьмой Уголовного кодекса — ответственность от трех до семи лет, — объяснил Турецкий и добавил: — Владимир Козлов вам знаком?

— Да. А что?

— Откуда вы его знаете?

— Работал с ним одно время в банке, потом я ушел оттуда.

— Брал ли у вас Козлов первитин?

— Брал... один раз... недавно.

— Он сам употребляет наркотики или, как и вы, пользуется им для привлечения девиц?

— Не знаю. Это его проблемы.

— Понятно. А Марина Суркова тоже ваша клиентка?

— Да. Меня с ней, кстати, познакомил Козлов. Она дважды брала у меня первитин. От головной боли, — усмехнулся он.

— Скажите, Шайбаков, никак в толк не возьму, почему у вашего первитина такой необычный, шокирующий эффект? Ваши клиентки прошлой ночью бегали по Москве голыми

и с безумными глазами. Их пробег закончился с нашей помощью в психоневрологической клинике. Объясните, что вы туда добавляете?

По лицу Шайбакова пробежала тень самодовольства, которое он поспешил погасить, и с унылой миной стал рассказывать:

— В первитин я добавляю препарат для анестезии, то есть с совершенно противоположным действием. Ну а пропорцию выбрал опытным путем. Вон, у вас есть образец, можете сами попробовать на девицах. Для них — такой кайф! На все способны! Еще и благодарить будут, — победно заключил Шайбаков, уже не скрывая гордости.

— Это мы уже видели, — процедил сквозь зубы Грязнов. Турецкий поднял трубку телефона, набрал номер дежурного врача клиники, в которой размещалась Суркова и две девушки, взятые на Красной площади. Когда там отозвались, он представился, спросил о состоянии пациенток.

— Суркова отпущена на похороны сестры, она чувствует себя удовлетворительно, — ответила дежурная. — А вот девушкам плохо. Мы в затруднении, не знаем, чем их лечить, как найти противоядие.

— Все понятно. Спасибо за информацию.

— Что они сказали? — спросил Грязнов.

— Плохи дела, врачи не знают, как вытаскивать пострадавших из их кайфа. А этот алхимик научился только убивать, спасти не умеет. Верно, Шайбаков? В общем, если слу-

чится беда с ними — понимаете? — вы будете привлечены как убийца.

Арестованный опустил голову и рассматривал мыски своих блестящих ботинок. До него, похоже, не доходило, что ему угрожает.

— А сам-то пробовал свое зелье? — спросил Грязнов.

— В очень ограниченном количестве, — пожал тот плечами.

— Накормить бы тебя до одурения, чтоб вывернуло наизнанку!

— Не кипятись, Слава. Шайбакова отправляем в следственный изолятор. Разущем Козлова, проведем очную ставку, допросим отравленных им девиц и отправим дело в суд.

Турецкий вызвал конвой, Шайбакова увели.

Грязнов вздохнул с облегчением:

— Меня едва не стошнило от этого клопа вонючего! Скотина! Вот такого я мог бы и застрелить, рука б не дрогнула! Он же запросто всю Москву может превратить в психушку! Представляешь?!

Утром Турецкий пригласил к себе следователя Мосгорпрокуратуры Олега Величко, который занимался убийством Арбузова, а теперь вел еще и дело о наркотиках.

— Здравствуйте, Александр Борисович, вот и я. Меня, как я понял, снова в вашу группу включили?

— Здравствуй. Именно так. Поэтому присаживайся, рассказывай, как дела?

— Пока никак. Долгалев где-то скрывается, Козлов в Англии, словом, оба подозреваемых пока вне досягаемости.

— Олег, как только их разыщем — задержим и допросим.

— Это понятно, Александр Борисович. А как быть с депутатским иммунитетом?

— Надеюсь, решим.

В кабинет заглянул старшина-конвоир:

— Арестованный доставлен.

— Хорошо. Пусть ждет в машине. Я сейчас иду. Олег, мы с тобой сейчас поедem делать обыск в квартире Шайбакова, с нами поедет эксперт-криминалист, там будет что посмотреть.

— Ясно. — Олег быстро вышел из кабинета.

Турецкий старался не суетиться, но всякий раз, когда он отправлялся производить обыск или на какую-либо другую операцию, его охватывало странное волнение, сродни тому,

которое переживают охотники перед началом гона.

Сейчас ему вспомнился недавний обыск у торговца оружием. Человек психологически не был готов к встрече с милицией, а дома хранил целый арсенал. Сначала он растерялся, а потом бросился внутрь квартиры и стал палить из пистолетов, автоматов, револьверов, из всего, что попадалось ему в руки.

Оперативникам пришлось попрыгаться и выждать. За это время подтянули к зданию пожарную машину, «скорую помощь» и отделение спецназа. Но все эти меры сами по себе ничего не решали.

Прибыл даже Меркулов и вступил в переговоры с преступником, но тот ни в какую не соглашался выходить. Тогда с другого конца города привезли его мать, которая стала на колени перед окном и умоляла сына не губить себя, так как за торговлю оружием он отсидит в тюрьме и выйдет, а если по его вине погибнут люди, то ему не миновать высшей меры. А может, и еще раньше убьют.

Нервы у всех были на пределе. Преступник грязно матерился, захлопнул окно, чтобы ничего не слышать и не видеть, с полчаса раздумывал над тем, как ему жить дальше. Потом выставил требование: вертолет и сто тысяч долларов.

Опять потянулись часы ожидания, переговоров, обещаний. Пришлось даже вызвать вертолет и броневичок из банка, чтобы создать видимость того, что все условия выполняются. Работники органов, конечно, больше всего беспо-

коились о жильцах жилого дома. Не ровен час, преступник взорвет квартиру! Неизвестно же, что у него там в арсенале имеется. В такой ситуации требовалась предельная осторожность.

Спустя некоторое время преступник потребовал, чтобы к нему пропустили его мать. Кто мог подумать, что именно ее злодей решил взять в заложницы.

Когда все было готово к вылету, преступник наконец вышел, прикрываясь женщиной и держа пистолет у ее виска. Она была бледна, но держалась уверенно и спокойно. Вместе они подошли к вертолету через коридор, созданный спецназовцами.

Уже поднимаясь по ступенькам в вертолет, преступник на миг потерял бдительность, и на него тут же навалились спецназовцы, в одно мгновение уткнули мордой в землю и надели наручники.

Все в тот раз закончилось благополучно, но скольких нервов стоила эта победа!..

Турецкий выглянул в окно. Там властвовала осень, без остановки лил дождь, тучи мокрыми тряпками провисли едва не до крыш. Мокрые голуби на карнизе уныло смотрели вниз, словно переживали ненастье.

В машине его уже поджидали два оперативника, эксперт-криминалист и Олег Величко.

— Начальство малость подзадержалось, — шутливо отреагировал Олег.

— Поехали! Там нас ожидает целый химзавод. Готовьтесь, господа, — предупредил коллег Турецкий.

Хлопнули дверцы «рафика», машина легко тронулась с места, следом за ней ехал «воронок», в котором везли Мирослава Шайбакова.

Всякий дом хранит специфические запахи своих обитателей: случаются затхлые, непроветриваемые помещения, где все до времени превращается в тлен; случаются полупустые необжитые квартиры, где гуляют сквозняки; есть жилища, где прочно поселяется дух гниения. Дома живут жизнью своих хозяев, подчиняясь воле судьбы, но в отличие от людей они могут возрождаться вновь и вновь.

Квартира Шайбакова была захламлена ненужными вещами, которые он приобретал по случаю, особенно в последнее время, когда появились деньги.

— Ну, демонстрируйте, Мирослав, свой завод, — сказал Турецкий Шайбакову.

Хозяин квартиры прошел на кухню, указал на кастрюльки из жаростойкого стекла, сказал тихо:

— Вот здесь все, чем я пользовался.

— Скажите, а откуда вы раздобыли секрет производства первитина? Не сами же его изобрели?

Шайбаков замялся, как бы раздумывая, стоит ли говорить, но потом все-таки сказал:

— Козлов мне привез рецепт из Англии, вычитал в одном военном журнале. Я заинтересовался, стал искать ingredi-

енты, как ни странно — раздобыл.

— Хорошо. Изложите все это письменно, причем подробно, что и где покупали и как готовили снадобье. Кстати, здесь у вас первитин хранится?

— Процесс производства очень длительный, мне удалось приготовить не более пяти граммов за сутки, поэтому я и стал подмешивать препарат для анестезии, чтобы получить нужный эффект. Да и большой объем.

— Вы нам сказки не рассказывайте, а говорите конкретно, есть наркотик дома или нет?

— Нет.

— А ингредиенты?

— Тоже на исходе. Вот две бутылочки осталось, — указал пальцем Шайбаков.

Эксперт-криминалист в перчатках взял бутылочки, спрятал их в свой чемоданчик, стал осматривать посуду, соскребая налет со стенок.

— Оружие в доме имеется? — спросил Турецкий.

— Нет. Ничего нет, — поспешно ответил Мирослав.

Однако Величко и оперативники, несмотря на заверения хозяина, принялись обыскивать квартиру, предварительно пригласив понятых — пожилую пару, жившую по соседству. Старики удивленно и со страхом наблюдали за тем, как в квартире все переворачивалось вверх дном.

Олег Величко не любил рыться в чужих вещах, брезговал, обычно он просматривал книги, изображая занятость.

У Шайбакова было сотни три книг, преобладали детективы, имелось также несколько учебников и пособий по химии. Следователь улыбнулся, подумав, что охота пуще неволи, вот и этот алхимик поневоле занимался наукой, чтобы добиться своей цели в жизни.

Среди груды несерьезного чтения вдруг обнаружился толстый том «Истории Отечества». Олег взял его в руки и подивился тяжести. Однако, открыв книгу, увидел, что середина у нее вырезана, а внутри лежит пистолет.

Олег подошел к Турецкому, протянул том, сказал:

— Почитайте, Александр Борисович, увлекательная вещь!

Шайбаков понурился, не желая смотреть на находку.

Турецкий раскрыл книгу, улыбнулся и похвалил Олега:

— Молодец, нюх тебя не подвел. А Мирославу — это очередная статья. Давайте, ребята, старайтесь, может, еще чего найдем.

— Шайбаков, тебя мама не учила, что лгать нехорошо? — спросил Величко.

Шайбаков не ответил. Находку предъявили понятным, включили в протокол обыска.

— Что ж, ребята, продолжайте, — сказал Турецкий коллегам. — Арестованного можно отправлять обратно в СИЗО, а у меня других дел по горло.

В прокуратуре Турецкого ждала очередная новость, которую притащил Грязнов. На Волхонке в жилом доме, на лестничной клетке, расстреляны два человека в униформе «секьюрити». Дежурная бригада уже выехала туда, но к шапочному разбору еще можно успеть.

— Поехали? — предложил Грязнов. — В Москве нынче стреляют постоянно, однако эта перестрелка, как мне доложили, напрямую касается твоего дела.

Они сели в грязновский «форд» и помчались на Волхонку. Территория у подъезда дома, где случилась перестрелка, была оцеплена. Узнав Грязнова, милиционер пропустил их внутрь.

Вниз по лестнице стекали струйки крови. Трупы находились в пролете между вторым и третьим этажом. Здесь уже распоряжался дежурный следователь Стрижов. Увидев Турецкого и Грязнова, он подобострастно заулыбался, стал докладывать обстановку:

— Убитых обнаружили соседи. Конечно, сначала услышали стрельбу, только никто высунуться не посмел. Но потом, когда все стихло, вышли, обнаружили трупы и сообщили нам и в «скорую помощь». Люди были убиты сразу, медицинская помощь не понадобилась.

— Кто стрелял? — спросил Турецкий.

— Соседи говорят, что в шестьдесят седьмой квартире в последнее время проживал человек кавказской национальности. Похоже, что эти двое ломились к нему в дом, вот он с ними и разобрался.

— Вы проверили шестьдесят седьмую квартиру, есть ли там кто?

— Еще не вскрывали. На звонки никто не отвечает.

— Пойдем посмотрим.

Квартира оказалась запертой на один английский замок, хотя имелись и другие запоры. Очевидно, хозяин оставлял ее в спешке и просто захлопнул дверь. Турецкий прошелся по комнатам, заглянул на кухню. Жилище неуютное, необжитое, очевидно, оно уже несколько лет предоставлялось разным квартирантам. Прокуренные стены отдавали казенным духом, как это обычно бывает в провинциальных гостиницах, нищих, с обшарпанной мебелью, потертыми коврами.

— Мы обыскали трупы, — сказал вошедший Стрижов. — Вот документы убитых. Они оба — охранники фирмы «Спектр», директор Долгалев. — Стрижов подал Турецкому удостоверения погибших.

— Ну вот, Александр Борисович, я же говорил, что этот Долгалев нам еще не раз встретится на пути. Чем же его охранники могли заниматься здесь? Рэкетом? — спросил Грязнов.

— Но кавказец, как видишь, оказался не промах. Уложил обоих и дал деру.

— Странная история, — сказал Стрижов. — Работал явно профессионал. Представьте: все свои гильзы собрал. На дверной ручке никаких отпечатков.

— Ну, уж в квартире-то, я думаю, отпечатки найдутся, — сказал Турецкий. — Соседей не успели опросить? Хорошо бы занять фоторобот этого кавказца. А мне, Слава, придется сейчас съездить в фирму Долгалева и узнать, зачем они посылали сюда своих охранников.

— Поезжай, да только вряд ли они что-нибудь тебе скажут.

— Но ничего иного мне не остается. Я возьму ненадолго твоего водителя?

— Давай, а потом пришли его сюда.

Турецкий без промедления отправился в фирму «Спектр», где его появлению, как и предсказывал Грязнов, никто не обрадовался. Однако секретарша Светлана опять предложила кофе. Следователь не стал отказываться.

— Ну, как поживает ваша фирма? — спросил Турецкий.

— Все хорошо, — ответила девушка.

— Вы так уверены? — удивился Турецкий.

— А что, разве у вас есть другие сведения? — парировала секретарша.

— Мне бы повидать господина Долгалева, — высказал пожелание Турецкий. — Он еще не вернулся?

— Нет, был в Питере, а вчера звонил уже из Киева. Коммерческие дела, знаете ли.

— У меня к вам просьба, Светлана. Как только Долгалев появится, дайте мне знать. Вот моя визитка, — попросил Турецкий. — И попросите, чтобы он тотчас позвонил мне.

— Я могу сообщить о его возвращении только с разрешения шефа.

— Хорошо, как вам будет угодно. Ничего нового не слышали насчет убийства Евгения Крохина?

— Нет, у нас об этом не говорят.

— Уже забыли?

— Не знаю. Но как-то все заняты делами, не до того.

— А ведь я вам еще одну скорбную весть принес.

— Какую? — Девушка настороженно взглянула на Турецкого.

— Скажите, где сегодня ваши охранники Сергей Одинцов и Андрей Рыбкин?

— У них выходной.

— А где это можно проверить?

— Существует специальный график.

— Так вот, Светлана, вышеназванные парни сегодня убиты. Они пытались проникнуть в квартиру некоего господина, который расстрелял их без всякой, понимаете, жалости.

— Какой кошмар! — прошептала секретарша. — И что же теперь будет?

— Вашей фирме придется раскошелиться на похороны. Когда Долгалев позвонит, передайте ему эту печальную новость и скажите, что его давно ждет старший следо-

ватель Генпрокуратуры Турецкий, чтобы побеседовать обо всех этих несчастьях и выразить свои соболезнования.

— Хорошо. Я все передам.

— А заместитель у Долгалева есть?

— Да. Павел Иванович Заметалин. Пожалуйста, если он вам нужен, пройдите в эту дверь, он сейчас у себя.

Турецкий вошел в кабинет Заметалина, оборудованный и отделанный по последнему слову европейского дизайна. Заместитель Долгалева был худощав и мелок ростом, прядь волос падала ему на лоб, он смахнул ее тонкой нервной рукой.

— Господин Заметалин? — спросил Турецкий.

— Да. Слушаю вас.

Турецкий представился, сел, всматриваясь в лицо хозяина кабинета.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов, — сказал Турецкий, — они касаются бывших работников вашей фирмы.

— Я готов вас выслушать, но прошу иметь в виду, что работаю я здесь всего второй месяц, — предупредил Заметалин.

— Ничего. То, что меня интересует, касается событий, произошедших недавно. Скажите, пожалуйста, где документы, которые хранил дома покойный Евгений Крохин?

— Я ничего не слышал о таких документах!

— Да? Тогда другой вопрос. У нас есть подтверждения, что Крохина убили работники именно вашей фирмы, — ска-

зал Турецкий, пристально глядя в глаза Заметалина. — Что вы думаете по этому поводу?

— Я уверен, что вы ошибаетесь. Зачем нашим работникам было бы убивать квалифицированного бухгалтера? — даже глазом не моргнул тот.

— Ну, хотя бы за то, что он слишком много знал.

— Нет. Этого не могло быть, — уверенно сказал Заметалин.

То ли заместитель Долгалева был хорошим артистом, то ли он действительно ничего не знал. Теперь Турецкому оставалось только сообщить о смерти охранников и назвать морг, из которого работники фирмы могли забрать тела убитых после судебно-медицинского исследования.

Эта весть встревожила Заметалина, он спросил взволнованно:

— Как это произошло?

— Они напали на квартиру, и их, естественно, перестреляли.

— Невероятно! Вы обвиняете их в грабеже? — изумился Заметалин.

— Может, вы нам подскажите, в чем их обвинить? Вы считаете, что они приходили туда из каких-то иных гуманных соображений? Это вы их туда послали?

— Нет! Я и не знаю, зачем они туда пошли. Но все это очень и очень неприятно. Три покойника на одну фирму — это слишком!

— Значит, лично вы к этому не причастны? — уточнил Турецкий.

— Ни в коем случае. Людей мы, конечно, заберем и похороним. А что там произошло, это уж вы расследуйте сами. Тут я профан.

Турецкий откланялся, оставив Заметалина в расстроенных чувствах. Хотел проститься и с секретаршей, но та оживленно разговаривала по телефону. Фирма жила своей жизнью и не желала ни с кем делиться секретами.

Турецкий медленно ходил по кабинету из угла в угол, обдумывая очередное следственное мероприятие. Грязнов хмуро посматривал на него, маялся, и наконец, терпение его лопнуло:

— Чего ты мечешься как загнанный волк?

— Мне беспокойно, Слава. У меня все уходит из рук, словно я новичок. Вон, посмотри, на столе лежит интересный документ «О результатах проверки указов и распоряжений по вопросам формирования Госфонда драгоценных металлов и камней...». Прочти его и обрати внимание на фамилии.

Грязнов стал читать и вдруг воскликнул:

— Смотри-ка, сколько знакомых! А этот Геранин, по-моему, тоже упоминается в деле «Ресурса»?

— Есть такой банкир.

— Давай-ка культурненько пригласим его в прокуратуру и потолкуем о Долгалеве и Козлове.

— Я тоже так думаю. Пока то да се, я успею детальнее ознакомиться с материалами, чтобы разговор у нас с ним получился более предметным.

— Ты, Саня, действительно давай садись и спокойно читай. А я дам задание своим операм держать руку на пульсе. Как только появятся Долгалев или Козлов, сразу зафиксируем. Ты, кстати, обещал через Меркулова оказать помощь с прослушкой их телефонов. Что слышно по этому поводу?

— С Козловым все попроще. Костя определенно обещал. А вот Долгалев — все-таки депутат, будь он проклят. Боюсь, что придется только на собственную агентуру рассчитывать. Ну и... сам знаешь, есть другие способы. Та же секретарша Светлана... А ты у нас все еще неотразимый мужчина. Попробуй!

Они посмеялись, понимая, что закон в данном случае им не помощник. А дело распухало на глазах, обрастая все новыми жертвами. И не за что было ухватиться, и оттого на душе было мерзостно и слякотно — под стать погоде.

— Не переживай, Саня, никуда они от тебя не денутся, — попытался утешить Турецкого Грязнов.

— Ты прав, давай работать, а время покажет, — сказал он, сел к столу и набрал номер Меркулова.

— Костя, ты обещал разрешение на прослушивание телефонов Долгалева и Козлова. Депутат, кстати, подозревается в соучастии в убийстве. Нам бы хоть знать, когда они в Москве объявятся... Да, понимаю, конечно... как не понять!

Турецкий еще долго слушал внушения Меркулова. Суть их была предельно ясна Грязнову, и комментарии не требовались.

— Иди к секретарше Меркулова, получишь разрешение по Козлову, — сказал наконец Турецкий, кладя трубку. — А я займусь все-таки изучением дела. Когда мой стол очистится от бумаг, возможно, тогда и в голове наступит некоторое просветление. По Долгалеву же, как ты сам понял, придется предпринимать собственные меры. Костя больше ничем помочь не может.

— Держись, Турецкий, эти мошенники — мужики головастые, но я думаю, что на всякого мудреца достанет и простоты.

Грязнов ушел. Турецкий углубился в чтение материалов и, к своему удивлению, обнаружил несколько десятков чеченских банковских документов, с помощью которых обналичивались огромные суммы денег, курсировавших между Москвой и Грозным.

«Это же какой-то пылесос! Деньги из Центробанка через «Ресурс» и Северобанк направлялись в несколько фирм. Постоянно проходили в банковских документах фамилии Акчурина, Бережковой, Геранина, Козлова, Долгалева... Значит, все эти люди тесно связаны между собой и не просто работали, а вместе и мошенничали...»

Это маленькое открытие, конечно, обнадеживало Турецкого, но одновременно и беспокоило. Банковские докумен-

ты приходили из Чечни, видимо, там придется искать людей, причастных к этому делу. Не исключено, что кавказец, на которого так неудачно для себя покушались охранники Долгалева, тоже может оказаться участником в этих операциях.

В этом тупике, из которого, казалось, не было никакого выхода, виделось пока одно: работать и ждать, со временем все должно было решиться. Хотя случаются дела, которые остаются не раскрытыми никогда. Но кто в этом виноват? Неквалифицированный следователь или гениальный преступник?

Турецкий тщательно готовился к допросу Геранина, изучал банковскую документацию, формулировал вопросы, записывал их в специальной тетради под названием «План следственного дела», в общем, старался представить себе будущий следственный диалог. Хотел выяснить, какие отношения были у Геранина с Долгалевым, Козловым, Бережковой. На этот допрос он возлагал большие надежды, хотя и грызло душу какое-то непонятное сомнение. Но это он списал на давнюю собственную усталость и ряд неудач, которые сопровождали его в последнее время.

Утром он встал раньше обычного, хотел еще немного поработать с документами перед встречей с Гераниным, назначенной на десять часов утра, чтобы освежить в памяти отдельные цифры и факты.

Ирина еще спала. Он не стал будить жену, зная, что у нее рабочий день начинается позже, пусть понежится. Стараясь не шуметь и не включая света, вышел, плотно закрыл за собой дверь.

Следствие — это творческий процесс, он не отпускает человека, заставляет постоянно держать в голове ту задачу, которую предстоит решить. Турецкий, занятый мыслями о предстоящем допросе свидетеля, умылся, побрился, выпил кофе и отправился на службу.

Утро выдалось холодное, сухое. Зима, припозднившаяся в этом году, напоминала о своем скором приходе. Легкий морозец взбодрил Турецкого, придал уверенности в успехе.

Но уверенность эта оказалась ошибочной. В девять утра в его кабинет вбежал Олег Величко, теперь член его следственной бригады, с сообщением, что на Маросейке прогремел взрыв, совершен теракт, взорвана машина банкира Геранина.

— Что с ним? — Сердце Турецкого так и ухнуло. — Жив?

— Говорят, только ранен.

— Я еду с тобой!

На ходу набросив свой утепленный плащ, Турецкий выбежал вслед за Олегом во двор, где их уже поджидал «рафик».

— Что-то нашему Борисычу в кабинете не сидится, — с иронией заметил прокурор-криминалист Петр Фролов.

— Усидится, как же! Я ж этого Геранина сегодня вызвал на допрос, а его едва на тот свет не отправили! — Турецкий был и растерян и возмущен. — Теперь не знаю, что и думать. Складывается впечатление, что кто-то стоит за спинкой моего стула и отдает распоряжения убирать всех моих подозреваемых. Мистика какая-то!

— Бывают и совпадения!

— Слишком уж много этих совпадений.

Действительно, Турецкому начинало казаться, что кто-то, работающий рядом с ним, специально рвет все ниточки версий, которые он с таким трудом выводит, вытаски-

вает из криминальных хитросплетений разных нужных ему людей, связанных между собой множеством преступлений. Ибо, единожды оступившись, уже невозможно остановиться. Это как цепная реакция, когда из одного преступления вытекают новые.

Машина Геранина, находившаяся у подъезда, была искореженной и обгорелой. Начальник угро окружной милиции Степан Селезнев коротко изложил обстоятельства террористического акта:

— Шофер приехал на машине к подъезду, дождался Геранина. Когда банкир сел в машину, произошел взрыв. Эксперты предполагают, что было использовано дистанционное управление взрывным устройством, изготовленным из пластика, который применяется только в армии.

— Скажите, как самочувствие Геранина? — взволнованно спросил Турецкий.

— Состояние тяжелое, был без сознания, его увезли в реанимацию.

— А водитель?

— Погиб.

Турецкий обошел вокруг машины, понаблюдав, как фотограф снимает взорванное железо. Под ногами потрескивали осколки стекла.

— Что будете делать дальше? — спросил его Величко.

— С соседями беседовали? А где жена Геранина?

— Уехала с ним в больницу.

— Обязательно сегодня же надо с нею встретиться. Что предшествовало этому взрыву? Угрозы, предупреждения, требования?...

— Соседей опрашивали. Взрыв слышали все, а что было до взрыва, никто не заметил. Эксперты обнаружили осколок пластита и остатки деталей дистанционного управления взрывом.

— Хорошо, Олег, ты оставайся здесь, оформи вместе с дежурной группой протокол осмотра места происшествия, поговори с жильцами дома, постарайся встретиться с женой Геранина, а лучше помоги ей встретиться со мной. Все материалы по взрыву — ко мне на стол.

— Сделаю.

— Я надеюсь на тебя.

— А где вас искать?

— Заеду на минутку к Моисееву, а потом буду у себя в следственной части.

Турецкому сейчас необходимо было посоветоваться с Семеном Семеновичем, ибо ждать, когда эксперты-баллисты дадут свое заключение насчет взрыва, было невозможно.

Моисеев отворил дверь и засиял от радости, увидел Турецкого, стал радушно приглашать в квартиру:

— Заходи, Александр Борисович, наконец-то ты у меня становишься частым гостем. Это хорошо. Чего хмуришься?

— Какая-то серая полоса пошла в жизни, сплошная беспросветность. Приходишь на работу — темно, уходишь —

еще темнее.

— Это явление временное — осень.

— Ну а ты, Семен Семеныч, вижу, в порядке. Рад за тебя.

— Копчу божий свет, да и только. Не живу, а можно сказать, доживаю. Когда человек уходит на пенсию, он начинает комплексовать, что никому не нужен. Хорошо тем, у кого есть внуки, они могут хоть ими заниматься. У меня внуки далеко — в Хайфе. Вот я и один... Ты хоть стал навещать, а так вообще тоска несносная. Ну, что у вас там опять случилось? Ты ж ведь не просто так ко мне пришел, верно?

— Нужна, Семен Семеныч, твоя консультация.

— Отлично, я рад, что тебе надобна еще моя помощь, поэтому проходи на кухню, давай чайком побалуемся. А хочешь — рюмочку налью. Для тепла душевного.

— Спасибо, Семен Семеныч, — засмеялся Турецкий. — Добрый ты человек, но рюмку не надо. А вот чайку — с удовольствием. Дело в том, — сказал он, садясь за стол, — что мне невмоготу ждать, пока эксперты свое заключение дадут. Вот и пришел к тебе посоветоваться.

— Слушаю тебя.

— Сегодня утром подорвали машину банкира Геранина. Для этого использовали, как эксперты-криминалисты считают, дистанционное управление. Взрывное устройство изготовлено из пластита, который применяется, по их мнению, только в армии.

Моисеев минуту подумал, потом сказал:

— Понимаю, о чем ты говоришь. Это, вероятно, тот самый пластит, который навешивается в коробках на танки Т-80 и Т-72. Взрываясь, он отбрасывает снаряды. Кстати, слышал, этот способ использовали в Чечне.

— Значит, опять Чечня? Помнишь, Семеныч, я тебе банковский документ привозил чеченского происхождения? Мне начинает казаться, что все это — звенья одной цепи.

— Что я могу тебе посоветовать? Попробуй связаться с военными, возможно, где-то были хищения на складах этой взрывчатки. Но ты прав, не исключено, что прибыла она из Чечни. Возможно, из соседних с ней республик и краев.

— Ты знаешь, Семен Семеныч, я почти уверен, что в России, кроме официальной власти, существует другая, скрытая, которая до поры вершила свои черные дела тайком, а теперь стала действовать нагло и открыто.

— Не исключаю, что нечто эдакое существует, ты прав. Но причина этому одна: наша неразбериха, наше извечное российское авось. Поэтому ты особо не обольщайся. При том состоянии, в котором сейчас находится наша армия, я думаю, с военными тебе будет трудно договориться. Лучше послать человека на место, где обнаружится утечка пластита. Пусть он там походит, присмотрится, что и как. Мы-то в столице трудно представляем, чем живет провинция... Вот Вячеслав был прежде силен по этой части. Да ты и сам помнишь, бывал он в Чечне. Там опытный человек нужен. Правда, он теперь большой милицейский начальник.

— Ну, если бы вопрос состоял только в этом, я сам бы Славку упросил. Да и оперы у него смышленные. В другом ты прав: с военной прокуратурой у нас, как и прежде, отношения более чем холодные, хотя и подчиняются они формально нашему генеральному прокурору. Придется снова действовать через Меркулова, иначе кто ж даст информацию о хищениях этого пластита! Военные, если чего и было, будут молчать как партизаны.

— Точно сказано. Но ты все же не переживай, Саша, глядишь, обойдется.

Они тепло простились. Хотя и были эти люди разного возраста, но связывала их добрая человеческая привязанность, увлеченность одним делом и огромное желание бороться со злом и побеждать его во всех проявлениях.

Кабинет встретил Турецкого долгими телефонными разговорами: Олег Величко сообщал, что через два часа жена Геранина, Наталья Максимовна, готова встретиться с представителем Генеральной прокуратуры у себя дома.

— Отлично, Олег. Я непременно подъеду. Каково состояние Геранина?

— Очень плох. Не приходит в себя.

— Ты сам успел поговорить с его женой?

— Нет, только условился о встрече: она спешила, нужны какие-то дефицитные лекарства. Возвращалась домой, чтобы взять побольше денег, и опять уехала в больницу.

— Какие-либо новости еще есть?

— Одна старушка утверждает, что выводила своего песика утром на прогулку и видела во дворе незнакомого человека. Он что-то высматривал, потом скрылся за гаражами. Между прочим, как она заявила, мужчина был похож на кавказца.

— Но ведь это мог быть и совершенно посторонний человек, не имеющий отношения к данному преступлению?

— Конечно, Александр Борисович, не исключено.

— Спасибо, Олег, за информацию.

Турецкий положил телефонную трубку, взглянув на часы, прикинул, что до встречи с Натальей Гераниной было еще

более полутора часов. Позвонил секретарше Меркулова, и та сообщила, что зам генерального свободен. Редкий случай.

Меркулов поднял на Турецкого усталые глаза, пригладил ладонью отечные щеки и пригласил садиться.

— Что, Костя, скверно себя чувствуешь?

— Да все погода, перемена, давление подскочило. Вообще иногда так тянет уйти на пенсию, сбросить с себя весь груз и пожить, ни о чем не думая.

— А вот Моисеев, напротив, тоскует по работе, по коллегам...

— Давно его видел?

— Да только что. Забегал проконсультироваться по поводу взрывчатки, которой подорвали машину банкира Геранина.

— Ну и к чему вы с ним пришли? — заинтересованно взглянул Меркулов.

— Взрывчатка, которую использовали террористы, имеется, как утверждают наши эксперты, только в армии. Причем в горячих точках, таких, как Чечня. Поэтому нужны сведения, каким образом она могла попасть к гражданским лицам. Этот пластит в коробках навешивали на танки в Чечне, чтобы они, взрываясь, отбрасывали снаряды.

— Хорошо, Саша, я свяжусь с главным военным прокурором, попробую узнать, не было ли, по их сведениям, хищений со складов. Как учитывался пластит, использовавшийся в Чечне? Кто им мог располагать? Где хранится? И так да-

лее. Ладно, с этим решили.

— Надо, Костя, разговаривать с ним осторожно, чтобы он не стал от нас ничего скрывать, а тем более замечать следы — в борьбе за чистоту своего мундира.

— Это и без слов понятно. У меня хорошие отношения с Юдиным. Я недавно был одним из немногих, кто поддержал его на коллегии.

— Спасибо, Костя, тут вся надежда на тебя.

У Меркулова в нужную минуту всегда находились необходимые связи. Чем, собственно, тот же Турецкий всегда и пользовался.

— Как твои дела в остальном?

— Прямо от тебя поеду к Наталье Гераниной. Поскольку сам банкир в бессознательном состоянии, его сейчас не допросишь, а в остальном пока без успеха, сплошные «висяки».

— Ничего, вода и камень точит, копай, глядишь, что-нибудь со временем накопаешь, — утешил Меркулов. — Кофе не хочешь? Я скажу Клаве.

— Нет, спасибо. Я у Семена хороший чай пил. А тебе, Костя, по-моему, нельзя этим напитком злоупотреблять: давление зашкалит.

— Ты прав, старость — не радость. Откуда бы, казалось, этому давлению взяться? А вот лезет же!

— Так ведь сам его нагнетаешь, а потом прикидываешься, откуда, мол.

— Не хотел я тебе, Саша, говорить, но признаюсь: одолели меня владельцы недвижимости, приобретенной у банка «Ресурс», купили по блату за бесценок, а теперь трясутся, как бы у них не отняли хоромы с четырехметровыми потолками. Вот сегодня опять генерал Васильев был на приеме, даже угрожал, понимаешь, и требовал справедливости.

— За Васильева меня Казанский уже просил. Что-то этот генерал слишком озабочен своей недвижимостью. Уж не он ли покровительствовал банку и дал ему возможность полтора года после банкротства работать, чтобы окончательно украсть и зарыть деньги рядовых вкладчиков?

— Все может быть. Генерала только два месяца тому назад отправили в отставку.

— Я кое-что интересное нашел в банковских документах, думаю, когда обнаружатся Долгалев и Козлов, они мне много интересного расскажут.

— Дай Бог тебе распутать это дело. Что-то вокруг него уж слишком много трупов. Может, тебе охрана нужна?

— Ну, Костя, это смешно! Мне — охрану! Лишнее...

— Но, прошу тебя, будь осторожен. заметишь что-нибудь подозрительное, немедленно сообщи. И не стесняйся. Гена Арбузов тоже, поди, ничего не боялся... Видишь, чем кончилось!

Турецкий взглянул на часы — пора было уходить. В это время у Меркулова зазвонил телефон. Хозяин кабинета поднял трубку, а «важняк», чтобы не мешать ему, тихо удалил-

ся.

Наталья Геранина была молода и хороша собой. Черная юбка и тонкий свитерок того же цвета только подчеркивали ее стройную фигуру, тонкие правильные черты свежего лица и красивые выразительные глаза. Турецкий невольно залюбовался ею.

— Слушаю вас, — строго взглянув, сказала Наталья.

— Как чувствует себя ваш муж?

— Плохо. В сознание пока так и не пришел. После разговора с вами опять поеду к нему.

— Сочувствую вашему горю. Вы знаете, я как раз сегодня должен был... — Турецкий запнулся, не решаясь произнести слово допросить, но понял, что с этой женщиной лучше не лукавить. — Словом, провести допрос. Но случилось это несчастье. Очень сожалею, что не смог встретиться с ним раньше. Поэтому вынужден теперь, не откладывая дела до будущих времен, обратиться к вам, возможно, вы хотя бы частично ответите на мои вопросы. Наш разговор я должен официально зафиксировать. Надеюсь, вы не будете возражать?

— Ни в коем случае. Делайте свое дело.

— Хорошо, — ответил Турецкий, доставая чистые бланки протокола допроса свидетеля. — Начнем. Прежде всего меня интересуют обстоятельства теракта. Скажите, пожалуйста, не было ли перед этим каких-либо угроз вашему мужу?

— Думаю, что если ему кто-то и угрожал, он вряд ли

сказал бы мне об этом. Андрей всячески ограждал меня от внешней жизни, он считал себя достаточно сильным человеком и, конечно, представить не мог, что с ним так обойдутся.

— И вы ничего не замечали в его поведении? К примеру, раздражительности, беспокойства, суеты, неуверенности?...

— Нет. Приходя домой, он никогда не говорил о работе, был нежен со мной, ласков. Мы жили друг для друга.

— Вы давно женаты?

— Всего три месяца. Познакомились на показе мод, я работала у Славы Зайцева. Потом девушек и кутюрье пригласили в ресторан, там за мной и стал ухаживать Геранин. Когда я дала согласие выйти за него замуж, он поставил условие: становясь его женой, я до его смерти ни на какую иную должность претендовать не могу. Я согласилась на это сладкое рабство. И пока еще ни разу не пожалела об этом. Но, конечно, если с ним случится непоправимое, не знаю, как буду жить дальше...

— Скажите, пожалуйста, знакомил ли муж вас со своими друзьями?

— Да. Но мне кажется, что у него не было друзей, были деловые партнеры, которые то появлялись, то исчезали из его жизни. В общем, Геранин — человек деловой и занятой, у него время, как и деньги, было на строгом учете. Даже когда мы ходили в театр, а спектакль оказывался пустым и неинтересным, Андрей всегда говорил с сожалением, что потерял время.

— Знакомил ли вас муж с такими предпринимателями, как Долгалев и Казаков?

— Не помню. Может, и знакомил, у меня плохая память на лица и фамилии.

— А знали ли вы Аллу Бережкову?

— Почему знала? Она очень милая женщина, — улыбнулась Наталья, от этой улыбки ее лицо стало еще прекраснее.

— О Бережковой уже надо говорить в прошедшем времени, — заметил Турецкий.

— А что с ней? — искренне изумилась женщина.

— Умерла. В тюрьме. От передозировки наркотика.

— Боже мой! Никогда бы не подумала, что она может это... Совершенно на нее не похоже. Странно...

— Вы ее знали достаточно хорошо?

— Да. Мы ведь раньше жили с ней в одном доме, она была старше меня лет на десять, естественно, дела и интересы другие, но тем не менее мы часто виделись во дворе.

— А ее мужа вы тоже знали?

— Нет. Она вышла замуж и стала жить в другом районе Москвы. А потом она ведь не один раз была замужем. Вы о каком муже спрашиваете?

— О банкире. Акчурине.

— Нет. Этого я не знала, слышала только фамилию. И что он отравился или перепил, словом, у него что-то случилось с сердцем.

Турецкий чувствовал, что Наталья была слишком удалена

мужем от банковских дел, узнать у нее ничего конкретного не удастся, однако не торопился уходить. Иногда бывает, что совершенно случайно оброненное слово может стать ключом к тому или иному событию.

— А вам муж никогда не рассказывал о деловом сотрудничестве с чеченцами?

— Нет, не помню, — Наталья напряглась, будто что-то вспоминая. — Хотя был такой случай, приходил к нам домой человек. Явный такой кавказец. Но муж предложил ему встретиться на работе, так как он не привык решать производственные вопросы дома.

— Что он хотел от вашего мужа?

— Уточнял про какие-то суммы по перечислению и обналичиванию денег. Я не вникала.

— А на кого он был больше похож? На грузина, азербайджанца, армянина? Или, может, на чеченца?

— Вы знаете, я видела того человека мельком, сейчас даже лица не могу вспомнить. Среднего роста, темноволосый. Скорее, чеченец. Жесткое такое лицо было. Впрочем, мне все кавказцы на одно лицо.

— Это далеко не так, — улыбнулся Турецкий. — Лица у них разные. Что сказал вам муж после того, как этот... ну, скажем, чеченец ушел?

— Он был очень недоволен. Что-то ворчал себе под нос, но мне ничего объяснять не стал.

— Скажите, пожалуйста, Наталья Максимовна, вы не бо-

итесь здесь оставаться одна?

— Боюсь. Но вечером мне обещали прислать охрану из банка.

— Это хорошо. Я хочу вас попросить сообщить мне, если будет что-то неладное, звонки, слезка, какие-то подозрительные люди. Вот моя визитка. Весьма буду признателен и рад. Теперь посмотрите, так ли я записал ваши ответы, и напишитесь на каждой странице.

— Все так, — сказала женщина. — А я уж и сама напугана. За Андрея, естественно. Что им всем от него нужно?

— Наталья Максимовна, что им нужно, ясно как день. Деньги, и только деньги, сегодня интересуют всех. Мне же необходимо знать, кто они, почему так нагло действуют? Это особенно важно, чтобы рассчитать наперед их следующий удар. Не исключено, что здесь действует не один человек, а преступная группа. И наша задача — выйти на них и изобличить.

— К сожалению, о какой бы то ни было конкретике можно говорить только с Андреем. Я всегда была в стороне от его дел. Сейчас сожалею...

— Я вижу, вы уже торопитесь. У меня к вам последняя просьба: как только ваш муж почувствует себя немного лучше и сможет говорить, предупредите меня. Это очень важно. Чем раньше мы получим какую-либо информацию о преступниках, тем быстрее сможем их выловить.

— Я все поняла, спасибо вам за участие и внимание.

Турецкий простился, но чувствовал, что уходить ему не хочется. Наталья обладала таким обаянием, что смотреть на нее — уже большая радость, а слушать — просто удовольствие.

«У этого Геранина прекрасный вкус, коль он смог выбрать себе такую жену, — с завистью подумал Турецкий. — Женщины бывают красивы от природы и от того макияжа, который они накладывают на себя. С иной смой краску и помаду, и будет стоять перед тобой бесцветное существо. Наталья же хороша от природы. Все в ней благородно и красиво: тоненькая стройная фигурка, удивительное живое и теплое лицо. И красота ее греет, притягивает к себе. Она умна, но не старается подчеркивать это, уступая мужчине, принимая его первенство во всем. Чисто славянская черта женщины, которая на Западе уже, пожалуй, уничтожена. Там женщины воспитываются иначе. Они уверены в себе, в своей ценности и неповторимости, поэтому много требуют от спутника жизни, да и сами стараются достигнуть высокой карьеры и достойного положения в обществе. Наверно, это тоже неплохо. Но мужчинам, конечно, больше по вкусу вот такие славянки, способные терпеть и прощать».

Главный военный прокурор Юдин сообщил Меркулову, что примерно месяц назад на одном из военных складов Ставрополя был похищен пластик. Бандитское нападение произошло ночью, у склада были убиты часовые. Дело приостановлено, поскольку преступники до сих пор не установ-

лены.

Предположение Моисеева и Турецкого о том, что пластит с военного склада попал в руки гражданских лиц, могло бы подтвердиться, если бы данное преступление было раскрыто и установлены преступники. Однако уже и за эти сведения Меркулов мог сказать спасибо своему знакомому. А потом он вызвал к себе Турецкого.

— Вот такая петрушка, Саня, получается. Пластит украли господу икс, использовали господу игрек, а взорвали банкира, возможно, какие-нибудь зет. Уравнение со многими неизвестными. А главное, нет доказательств в том, что этот пластит взят со ставропольского склада. А ну как другой?

— Придется ехать на Ставрополье и разбираться там, чтобы определить хоть одно неизвестное, тогда проще будет справиться с остальными.

— В твоих математических способностях, Саня, я несколько не сомневаюсь, но в Ставрополь не отпущу, ты мне нужен здесь, — категорично заявил Константин Дмитриевич.

— Не могу же я разорваться надвое!

— И не надо. Пошлем... ну, скажем, Олега Величко.

— Нет, его нельзя. Он парень способный, но маловато опыта. И военные, а это все, как один, пройдохи, я имею в виду наши тыловые службы, перед ним не расколются. Тут требуется мой опыт общения с этими типами, — скромно заметил Турецкий. — Между прочим, на эту тему у меня уже

состоялся разговор с Семеном. Знаешь, кого он порекомендовал? Славку Грязнова... Если бы только у нас была возможность отправить его туда. Он же не нам с тобой подчиняется. У него своего начальства предостаточно, да и занят по горло. А что постоянно помогает и бегаёт как рядовой опер, так я за это сам ему в ножки кланяюсь.

— Вячеслав — это хорошая идея, — подумав, согласился Меркулов. — Мы же все вместе там были ². Ты разве не помнишь? Когда брали того американского шпиона! И у Вячеслава там есть свои контакты. Наверняка остались. А причину для командировки я ему придумаю. И с начальником главка договарюсь. Сам-то Вячеслав не будет против? А то мы уж больно быстро за него решаем!

— С ним я ещё не говорил. Вообще-то лучше тебе, я его и так эксплуатирую в хвост и гриву. Надо бы и честь знать. Мне бы, конечно, самому поехать, но здесь в любую минуту все может к черту измениться.

— Вопрос о тебе отпадает. И не мечтай, — категорически возразил Меркулов. — В самом крайнем случае ты можешь рассчитывать лишь на это, — он подал Турецкому коробочку с леденцами. — Возьми конфетку, она долгоиграющая, под нее хорошо думается. А тебе это полезно.

— Собственно, Костя, я с тобой согласен, что мы не можем решать за Грязнова, но, думаю, он тебе не откажет. Да, в общем, это дело он знает неплохо. Что может там оказаться

² См. Незнанский Ф. Девочка для шпиона. М., 1995.

весьма немаловажным фактором. А сыщик он — ты и сам знаешь — от Бога. Значит, ему и карты в руки.

— Договорились, я поговорю с Грязновым, после чего он сам примет решение, — подвел итог Меркулов.

— Хорошо, Костя, спасибо за помощь. А теперь, на прощание, одно сомнение. Заметил я, когда занялся делом банка «Ресурс», что все у меня обрывается. Только приглашу человека на допрос, как его убирают — отравят или застрелят. Словно происходит постоянная утечка информации...

— Я готов разделить твое беспокойство, но подозревать наших сотрудников нет оснований. Возможно, это преступники торопятся делить добычу и потому убирают лишних людей. Паутина, которую ты задел, слишком широко раскинута, и опутаны ею сотни, если не тысячи, людей. Вот суешься ты по разным направлениям, паутина и рвется.

Узнав о возможной командировке в Ставрополь, Грязнов даже обрадовался. В свое время ему частенько приходилось бывать и в Грозном, и в Краснодаре, да и по Ставрополью колесил. Хотелось заново взглянуть на знакомые места. Тем более что война закончилась, люди стараются, но все никак не обретут мир в доме. Да и, честно говоря, засиделся он в кресле начальника МУРа, хотелось свежего воздуха и новых впечатлений. Вот и придумал он, с Костиной подачи, себе командировку, а верхнее начальство не возражало, отпустило на недельку.

Он понимал суть своей вполне конкретной задачи: побольше обаяния и душевной широты, что должно помочь узнать как можно больше о хищении пластита со ставропольского военного склада. Вот и военная прокуратура, как указывалось в командировочном удостоверении, активно рассчитывала на его помощь в расследовании совсем уж повисшего дела о хищении и убийстве охраны.

Вячеслав терпеть не мог самолет, поэтому, приняв вместе с провожавшим его Турецким ударную дозу коньяка, безмятежно проспал весь дальнейший путь до Ставрополя. А там, в аэропорту, его встретила машина. Майор Овражников, начальник следственного отдела, старался понравиться высокому московскому гостю, был улыбчив и обходителен, охот-

но отвечал на любые вопросы.

— Как у вас с криминальной обстановкой, Виктор Онисимович?

— Всего хватает. Начиная с дедовщины, соответственно дезертирства и до расстрела сумасшедшими своих же сослуживцев. Тут вам и наркота, и самоубийства, и вообще черт знает что! Я думаю, что в Москве об этом прекрасно осведомлены. Сами понимаете, последствия чеченской войны.

— В столице своих проблем по горло, но дело в том, что часто преступления завязываются в провинции, а разрешаются все уже в центре. Поэтому я к вам и приехал.

— Я уже осведомлен о цели вашего приезда. Можете не сомневаться, окажем посильное содействие. У нас хоть и разные ведомства, однако главные цели — общие. И от вас скрывать нам нечего, — радушно убеждал Грязнова Овражников, но все же гость чувствовал, что к нему относятся с некоторым недоверием.

Это можно было понять: кто из провинциальных следователей или оперативников не мечтает отличиться на крутых делах в провинции, а потом вынырнуть где-нибудь в Москве или Питере и при хорошей должности? Однако редко кому такой вираж удается, большинство застревают на периферии, тихо изживают свою серую жизнь и уходят в мир иной незаметными и никому не известными людьми с сожалением, что не так жили, не тем занимались.

— Я познакомлю вас с моими подчиненными, определим

вам помощника в делах.

Грязнов улыбался, согласно кивал, чувствуя, что эти слова Овражников говорил прежде всего самому себе, словно уговаривал себя, склоняя к сотрудничеству с начальником Московского уголовного розыска, — вдруг это каким-нибудь благотворным образом отразится и на его, майора, судьбе, принесет неожиданный выигрыш — вроде лотереи.

Московский гость глазел по сторонам, любовался гористой местностью, наблюдал за полетом орла, планировавшего над долиной, и неожиданно для себя изрек афоризм:

— Смотрите, Виктор Онисимович, а ведь орлы никогда не сбиваются в стаи. Как и надлежит царям, живут одиноко и гордо.

— В обществе такой феномен невозможен. Президент окружает себя командой, прочие претенденты сколачивают партии, преступники сбиваются в стаи. Стадность в человеческом обществе преобладает над тягой к одиночеству. Одного легко оклеветать, растоптать, уничтожить.

— Согласен с вами, однако есть вещи, которые делают только в одиночку. Творцы — великие писатели, художники, музыканты, скульпторы обречены на одиночество. Конечно, некоторые достигают шумной славы, благодаря скандалам, идиотским выходкам, но думается мне, что такая известность умирает вместе с ее обладателем.

— Мы люди маленькие и здесь, в провинции, над такими вещами не задумываемся.

Они подъехали к трехэтажному зданию военной прокуратуры Ставропольского гарнизона. Майор Овражников пригласил московского гостя подняться в свой кабинет, приказал секретарше угостить Грязнова кофе или чаем, что тот пожелает. Прежде чем заняться делом, следовало передохнуть и настроиться на рабочий лад.

Смуглая темноглазая Людмила принесла чашки дымящегося кофе начальнику и гостю, поставила на стол тарелки с печеньем и бутербродами. Очевидно, Овражников готовился к встрече. Самое время было начать разговор — деловой, но непринужденный и дружеский.

— Мне звонили из Москвы зам генерального Константин Дмитриевич Меркулов и наш главный военный прокурор, предупредили о вашем приезде, правда, о цели поездки было сказано вскользь, сообщили, что вы изложите все на месте, — с улыбкой произнес Овражников.

— Несколько дней назад в Москве была взорвана машина директора очень крупного банка. Для взрывающего устройства использовался пластит, который навешивали на танки во время военной кампании в Чечне. Эта взрывчатка применяется только в армии, — сказал Грязнов и с наслаждением сделал глоток ароматного бодрящего напитка.

— Понимаю. Это связано с недавним ограблением военного склада?

— Да. Со склада, находящегося здесь, возможно, и был похищен пластит. Мы отрабатываем такую версию. Хотя, ко-

нечно, не исключено, что именно этот поиск может оказаться ошибочным.

— В нашем деле иногда ворсинка под ногтем поворачивает следствие в другую сторону, а тут пластит со склада! Хотя здесь, на горячем во всех отношениях юге, случаются самые неожиданные и непредсказуемые вещи. У нас, вы только посмотрите, все стремятся обладать оружием: осетины, ингуши, дагестанцы, чеченцы. Даже казаки и те требуют оружия! Это просто становится болезнью! Людям кажется, если они вооружены, то уже способны защититься. По-моему, мнение ошибочное, так как из двух вооруженных людей побеждает тот, кто быстрее и более метко стреляет. То есть коль будет оружие, непременно начнется и стрельба.

— Вы тут весело живете, — заключил Грязнов, — но мне так или иначе надо узнать, кто конкретно похитил пластит и куда его девали. У вас хоть что-нибудь прояснилось в этом отношении? Или расследование зависло?

— К сожалению, больше последнее. Сейчас я вызову следователя, занимающегося этим делом, и он вам все объяснит.

— Хорошо, — согласился Вячеслав.

— Вы присмотритесь к нему, пожалуйста, можете во всем положиться на него.

Овражников позвонил по телефону, и через несколько минут в кабинет вошел капитан. Был он среднего роста, с черными как смоль волосами, с высокими лобными залыси-

нами и крупным, истинно кавказским носом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.